СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

№ 95

Н. А. Добролюбовъ.

Когда же придетъ настоящій день?

КНИГО-ИЗД. ОСВОБОЖДЕНІЕ

PV 254

Книгоиздательство и Книжный Складъ

„Освобожденіе".

С.-Петербургъ, Невскій пр., 92. Телефонъ 48-48.

Любовь къ книгѣ становится достояніемъ всѣхъ, а между тѣмъ лучшія произведенія современной русской литературы, печатаясь въ журналахъ или сборникахъ, недоступны по своимъ высокимъ цѣнамъ для широкихъ слоевъ читающей публики. **Наша цѣль—предоставить каждому,** кто любитъ книгу, возможность пріобрѣсти ее. И для достиженія этой цѣли мы приступили къ изданію лучшихъ произведеній современной русской литературы по цѣнамъ, доступнымъ *самой широкой читающей публикѣ.*

Цѣна каждаго номера 10 коп.

Вышли слѣдующіе разсказы:

№ 1. **Леонидъ Андреевъ.** Въ туманѣ.
№ 2. **Ѳ. Сологубъ.** Въ толпѣ.
№ 3. **Леонидъ Андреевъ.** Разсказъ о семи повѣшенныхъ.
№ 4. **М. Арцыбашевъ.** Сказка стараго прокурора.
№ 5. **Евг. Чириковъ.** Въ отставку.
№ 6. **В. Муйжель.** Солдаты. (Конфиск.).
№ 7. **Евг. Чириковъ.** На порогѣ жизни.
№ 8. **Евг. Чириковъ.** Студенты пріѣхали.
№ 9—10. **Леонидъ Андреевъ.** Губернаторъ.
№ 11. **Евг. Чириковъ.** На порукахъ.
№ 12. **Евг. Чириковъ.** Капитуляція.
№ 13—14. **А. И. Купринъ.** Молохъ.
№ 15. **Евг. Чириковъ.** Блудный сынъ.
№ 16. **Георг. Чулковъ.** Невѣста.
№ 17. **Скиталецъ.** Любовь декоратора.
№ 18—20. **Сем. Юшкевичъ.** Распадъ.
№ 21. **А. И. Купринъ.** Съ улицы.
№ 22. **Борисъ Зайцевъ.** Аграфена.
№ 23. **Евг. Чириковъ.** Въ лѣсу.
№ 25—26. **Семенъ Юшкевичъ.** Голодъ.
№ 24. **А. И. Купринъ.** Рѣка жизни.

См. 3-ю стран.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

КОГДА ЖЕ ПРИДЕТЪ НАСТОЯЩІЙ ДЕНЬ?

Уч. Ком. Минист. Нар. Просв. признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній допущено въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГОИЗД. «ОСВОБОЖДЕНІЕ».

(Н)

ПРОВ. 1953

PV
254
Кол.

311
36

Типографія Л. В. ГУТМАНЪ, Калашниковскій пр., 13.

КОГДА ЖЕ ПРИДЕТЪ НАСТОЯЩІЙ ДЕНЬ?

Schlage die Trommel und
fürchte dich nicht.
Heine.

(**Наканунѣ**, повѣсть *И. С. Тургенева.* „Русскій Вѣстникъ“. 1860 г., № 1).

Эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышенъ. Изъ разговоровъ съ ними служители чистаго искусства могутъ почерпнуть много тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній, и затѣмъ написать критику въ такомъ родѣ. „Вотъ содержаніе новой повѣсти г. Тургенева (разсказъ содержанія). Уже изъ этого блѣднаго очерка видно, какъ много тутъ жизни и поэзіи самой свѣжей и благоуханной. Но только чтеніе самой повѣсти можетъ дать понятіе о томъ чутьѣ къ тончайшимъ поэтическимъ оттѣнкамъ жизни, о томъ остромъ психическомъ анализѣ, о томъ глубокомъ пониманіи невидимыхъ струй и теченій общественной мысли, о томъ дружелюбномъ и вмѣстѣ смѣломъ отношеніи къ дѣй-

ствительности, которыя составляютъ отличительныя черты таланта г. Тургенева. Посмотрите, напримѣръ, какъ тонко подмѣчены эти психическія черты (повтореніе одной части изъ разсказа содержанія и затѣмъ — выписка); прочтите эту чудную сцену, исполненную такой граціи и прелести (выписка); припомните эту поэтическую, живую картину (выписка), или вотъ это высокое, смѣлое изображеніе (выписка). Не правда ли, что это проникаетъ въ глубину души, заставляетъ сердце ваше биться сильнѣе, оживляетъ и украшаетъ вашу жизнь, возвышаетъ предъ вами человѣческое достоинство и великое, вѣчное значеніе святыхъ идей истины, добра и красоты! Comme c'est joli, comme c'est délicieux!"

Малому знакомству съ чувствительными барышнями одолжены мы тѣмъ, что не умѣемъ писать такихъ пріятныхъ и безвредныхъ критикъ. Откровенно признаваясь въ этомъ и отказываясь отъ роли „воспитателя эстетическаго вкуса публики",—мы избираемъ другую задачу, болѣе скромную и болѣе соразмѣрную съ нашими силами. Мы хотимъ просто подвести итогъ тѣмъ даннымъ, которыя разсѣяны въ произведеніи писателя и которыя мы принимаемъ, какъ совершившійся фактъ, какъ жизненное явленіе, стоящее предъ нами. Работа не хитрая, но нужная, потому что, за множествомъ занятій и отцыховъ, рѣдко кому придетъ охота самому всмотрѣться во всѣ подробности литературнаго произведенія, разобрать, провѣрить и поставить на свое мѣсто

всѣ цифры, изъ которыхъ составляется этотъ сложный отчетъ объ одной изъ сторонъ нашей общественной жизни, и затѣмъ подумать объ итогѣ и о томъ, что онъ обѣщаетъ и къ чему насъ обязываетъ. А такого рода провѣрка и размышленіе очень небезполезны по поводу новой повѣсти г. Тургенева.

Мы знаемъ, что чистые эстетики сейчасъ-же обвинятъ насъ въ стремленіи навязывать автору свои мнѣнія и предписывать задачи его таланту. Поэтому оговоримся, хоть это и скучно. Нѣтъ, мы ничего автору не навязываемъ, мы заранѣе говоримъ, что не знаемъ, съ какой цѣлью, вслѣдствіе какихъ предварительныхъ соображеній изобразилъ онъ исторію, составляющую содержаніе повѣсти „Наканунѣ". Для насъ не столько важно то, что *хотѣлъ* сказать авторъ, сколько то, что *сказалось* имъ, хотя бы и ненамѣренно, просто вслѣдствіе правдиваго воспроизведенія фактовъ жизни. Мы дорожимъ всякимъ талантливымъ произведеніемъ именно потому, что въ немъ можемъ изучать факты нашей родной жизни, которая безъ того такъ мало открыта взору простого наблюдателя. Въ нашей жизни до сихъ поръ нѣтъ публичности, кромѣ оффиціальной; вездѣ мы сталкиваемся не съ живыми людьми, а съ оффиціальными лицами, служащими по той или другой части: въ присутственныхъ мѣстахъ съ чистописателями, на балахъ — съ танцорами, въ клубахъ — съ картежниками, въ театрахъ—съ парикмахерскими паціентами, и т. д. Всякій хоронитъ дальше свою душев-

ную жизнь; всякій такъ и смотритъ на васъ, какъ будто говоритъ: „вѣдь я сюда пришелъ, чтобъ танцовать, или чтобъ прическу показать; ну, и будь доволенъ тѣмъ, что я дѣлаю свое дѣло, и не вздумай, пожалуйста, выпытывать отъ меня мои чувства и понятія". И дѣйствительно,—никто никого не выпытываетъ, никто никѣмъ не интересуется, и все общество идетъ врозь, досадуя, что должно сходиться въ оффиціальныхъ случаяхъ въ родѣ новой оперы, званаго обѣда или какого нибудь комитетскаго засѣданія. Гдѣ же тутъ узнать и изучить жизнь человѣку, не посвятившему себя исключительно наблюд[illegible] общественныхъ нравовъ? А тутъ еще какое разнообразіе, какая даже противоположность въ различныхъ кругахъ и сословіяхъ нашего общества. Мысли, сдѣлавшіяся въ одномъ кругѣ уже пошлыми и отсталыми, въ другомъ еще жарко оспариваются, что у однихъ признается недостаточнымъ и слабымъ, то другимъ кажется слишкомъ рѣзкимъ и смѣлымъ, и т. п. Что падаетъ, что побѣждаетъ, что начинаетъ водворяться и преобладать въ нравственной жизни общества,—на это у насъ нѣтъ другого показателя, кромѣ литературы, и преимущественно художественныхъ ея произведеній. Писатель-художникъ, не заботясь ни о какихъ общихъ заключеніяхъ относительно состоянія общественной мысли и нравственности, всегда умѣетъ однако же уловить ихъ существеннѣйшія черты, ярко освѣтить и прямо поставить ихъ предъ глазами людей размышляющихъ.

Вотъ почему и полагаемъ мы, что какъ скоро въ писателѣ-художникѣ признается талантъ, то есть умѣнье чувствовать и изображать жизненную правду явленій, то, уже въ силу этого самаго признанія, произведенія его даютъ законный поводъ къ разсужденіямъ о той средѣ жизни, о той эпохѣ, которая вызвала въ писателѣ то или другое произведеніе. И мѣркою для таланта писателя будетъ здѣсь то, до какой степени широко захвачена имъ жизнь, въ какой мѣрѣ прочны и многообъятны тѣ образы, которые имъ созданы.

Мы сочли нужнымъ высказать это для того, чтобы оправдать свой пріемъ — толковать о явленіяхъ самой жизни на основаніи литературнаго произведенія, не навязывая впрочемъ автору никакихъ заранѣе сочиненныхъ идей и задачъ. Читатель видитъ, что для насъ именно тѣ произведенія и важны, въ которыхъ жизнь сказалась сама собою, а не по заранѣе придуманной авторомъ программѣ. О „Тысячѣ Душъ“, напримѣръ, мы вовсе не говорили, потому что, по нашему мнѣнію, вся общественная сторона этого романа насильно пригнана къ заранѣе сочиненной идеѣ. Стало быть, тутъ не о чемъ толковать, кромѣ того, въ какой степени ловко составилъ авторъ свое сочиненіе. Положиться на правду и живую дѣйствительность фактовъ, изложенныхъ авторомъ, невозможно, потому что отношеніе его къ этимъ фактамъ не просто и не правдиво. Совсѣмъ не такія отношенія автора къ сюжету видимъ мы въ новой повѣсти г. Тургенева, какъ и

въ большей части его повѣстей. Въ „Наканунѣ“ мы видимъ неотразимое вліяніе естественнаго хода общественной жизни и мысли, которому невольно подчинилась сама мысль и воображеніе автора.

Поставляя главной задачею литературной критики—разъясненіе тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя вызвали извѣстное художественное произведеніе, мы должны замѣтить притомъ, что въ приложеніи къ повѣстямъ г. Тургенева эта задача имѣетъ еще особенный смыслъ. Г. Тургенева по справедливости можно назвать представителемъ и пѣвцомъ той морали и философіи, которая господствовала въ нашемъ образованномъ обществѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Онъ быстро угадывалъ новыя потребности, новыя идеи, вносимыя въ общественное сознаніе, и въ своихъ произведеніяхъ непремѣнно обращалъ (сколько позволяли обстоятельства) вниманіе на вопросъ, стоявшій на очереди и уже смутно начинавшій волновать общество. Мы надѣемся при другомъ случаѣ прослѣдить всю литературную дѣятельность г. Тургенева и потому теперь не станемъ распространяться объ этомъ. Скажемъ только, что этому чутью автора къ живымъ струнамъ общества, этому умѣнью тотчасъ отзываться на всякую благородную мысль и честное чувство, только что еще начинающее проникать въ сознаніе лучшихъ людей, мы приписываемъ значительную долю того успѣха, которымъ постоянно пользовался г. Тургеневъ въ русской публикѣ. Конечно, и литературный

талантъ самъ по себѣ много помогъ этому успѣху. Но читатели наши знаютъ, что талантъ г. Тургенева не изъ тѣхъ титаническихъ талантовъ, которые, единственно силою поэтическаго представленія, поражаютъ, захватываютъ васъ и влекутъ къ сочувствію такому явленію или идеѣ, которымъ мы вовсе не расположены сочувствовать. Не бурная, порывистая сила, а напротивъ—мягкость и какая-то поэтическая умѣренность служатъ характеристическими чертами его таланта. Поэтому мы полагаемъ, что онъ не могъ бы вызвать общую симпатію публики, если бы касался вопросовъ и потребностей, совершенно чуждыхъ его читателямъ, или еще не возбужденныхъ въ обществѣ. Нѣкоторые замѣтили бы прелесть поэтическихъ описаній въ его повѣстяхъ, тонкость и глубину въ очертаніяхъ разныхъ лицъ и положеній, но, безъ всякаго сомнѣнія этого было бы недостаточно для того, чтобы сдѣлать прочный успѣхъ и славу писателю. Безъ живого отношенія къ современности всякій, даже самый симпатичный и талантливый повѣствователь долженъ подвергнуться участи г. Фета, котораго и хвалили когда-то, но изъ котораго теперь только десятокъ любителей помнитъ десятокъ лучшихъ стихотвореній. Живое отношеніе къ современности спасло г. Тургенева и упрочило за нимъ постоянный успѣхъ въ читающей публикѣ. Нѣкоторый глубокомысленный критикъ даже упрекалъ когда-то г. Тургенева за то, что въ его дѣятельности такъ сильно отразились „всѣ колебанія обществен-

ной мысли". Но мы, несмотря на это, видимъ здѣсь именно самую жизненную сторону таланта г. Тургенева, и этой стороной объясняемъ, почему съ такой симпатіей, почти съ энтузіазмомъ, встрѣчалось до сихъ поръ каждое его произведеніе.

Итакъ, мы можемъ сказать смѣло, что если уже г. Тургеневъ тронулъ какой нибудь вопросъ въ своей повѣсти, если онъ изобразилъ какую нибудь новую сторону общественныхъ отношеній,—это служитъ ручательствомъ за то, что вопросъ этотъ дѣйствительно подымается или скоро подымется въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни начинаетъ выдаваться и скоро выкажется рѣзко и ярко предъ глазами всѣхъ. Поэтому каждый разъ при появленіи повѣсти г. Тургенева дѣлается любопытнымъ вопросъ: какія же стороны жизни изображены въ ней, какіе вопросы затронуты?

Вопросъ этотъ представляется и теперь, и въ отношеніи къ новой повѣсти г. Тургенева онъ интереснѣе, чѣмъ когда либо. До сихъ поръ путь г. Тургенева, сообразно съ путемъ развитія нашего общества, былъ довольно ясно намѣченъ въ одномъ направленіи. Исходилъ онъ изъ сферы высшихъ идей и теоретическихъ стремленій и направлялся къ тому, чтобы эти идеи и стремленія внести въ грубую и пошлую дѣйствительность, далеко отъ нихъ уклонившуюся. Сборы на борьбу и страданія героя хлопотавшаго о побѣдѣ своихъ началъ, и его паденіе предъ подавляющею силою людской пош-

лости—и составляли обыкновенно интересъ повѣстей г. Тургенева. Разумѣется, самыя основанія борьбы, то есть идеи и стремленія—видоизмѣнялись въ каждомъ произведеніи, или, съ теченіемъ времени и обстоятельствъ, выказывались болѣе опредѣленно и рѣзко. Такимъ образомъ Лишняго Человѣка смѣнялъ Пасынковъ, Пасынкова—Рудинъ, Рудина—Лаврецкій. Каждое изъ этихъ лицъ было смѣлѣе и полнѣе предыдущихъ, но сущность, основа ихъ характера и всего ихъ существованія была одна и та же. Они были вносители новыхъ идей въ извѣстный кругъ, просвѣтители, пропагандисты,—хоть для одной женской души, да пропагандисты. За это ихъ очень хвалили, и точно—въ свое время они видно очень нужны были, и дѣло ихъ было очень трудно, почтенно и благотворно. Не даромъ же всѣ встрѣчали ихъ съ такой любовью, такъ сочувствовали ихъ душевнымъ страданіямъ, такъ жалѣли объ ихъ безплодныхъ усиліяхъ. Не даромъ никто тогда и не думалъ замѣтить, что всѣ эти господа—отличные, благородные, умные, но въ сущности бездѣльные люди. Рисуя ихъ образы въ разныхъ положеніяхъ и столкновеніяхъ, самъ г. Тургеневъ относился къ нимъ обыкновенно съ трогательнымъ участіемъ, съ сердечной болью объ ихъ страданіяхъ, и то же чувство возбуждалъ постоянно въ массѣ читателей. Когда одинъ мотивъ этой борьбы и страданій начиналъ казаться уже недостаточнымъ, когда одна черта благородства и возвышенности характера начинала как-

будто покрываться нѣкоторой пошлостью, г. Тургеневъ умѣлъ находить другіе мотивы, другія черты и опять попадалъ въ самое сердце читателя, и опять возбуждалъ къ себѣ и своимъ героямъ восторженную симпатію. Предметъ казался неистощимымъ.

Но въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ обнаружились требованія совершенно отличныя отъ тѣхъ, которыми вызванъ былъ къ жизни Рудинъ и вся его братія. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ въ понятіяхъ образованнаго большинства произошло коренное измѣненіе. Вопросъ пошелъ уже не о видоизмѣненіи тѣхъ или другихъ мотивовъ, тѣхъ или другихъ началъ ихъ стремленій, а о самой сущности ихъ дѣятельности. Въ теченіе того періода времени, пока рисовались передъ нами всѣ эти просвѣщенные поборники истины и добра, краснорѣчивые страдальцы возвышенныхъ убѣжденій, подросли новые люди, для которыхъ любовь къ истинѣ и честность стремленій уже не въ диковинку. Они съ дѣтства, непримѣтно и постоянно, напитывались тѣми понятіями и стремленіями, для которыхъ прежде лучшіе люди должны были бороться, сомнѣваться и страдать въ зрѣломъ возрастѣ [1]). Поэтому самый

[1]) Насъ уже упрекали однажды въ пристрастіи къ молодому поколѣнію и указывали на пошлость и пустоту, которой оно предается въ большей части своихъ представителей. Но мы никогда и не думали отстаивать всѣхъ молодыхъ людей огуломъ, да это и несогласно было бы съ нашей цѣлью. Пошлость и пустота составляютъ достояніе всѣхъ временъ и всѣхъ возрастовъ.

характеръ образованія въ нынѣшнемъ молодомъ обществѣ получилъ другой цвѣтъ. Тѣ понятія и стремленія, которыя прежде давали титулъ передового человѣка, теперь уже считаются первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности. Отъ гимназиста, отъ посредственнаго кадета, даже иногда отъ порядочнаго семинариста вы услышите нынѣ выраженіе такихъ убѣжденій, за которыя въ прежнее время долженъ былъ спорить и горячиться, напр., Бѣлинскій. И гимназистъ или кадетъ высказываютъ эти понятія,— такъ трудно, съ бою достававшіяся прежде,— совершенно спокойно, безъ всякаго азарта и самодовольства, какъ вещь, которая иначе и быть не можетъ, и даже немыслима иначе.

Встрѣчая человѣка такъ называемаго прогрессивнаго направленія, теперь никто изъ порядочныхъ людей уже не предается удивленію и восторгу, никто не смотритъ ему въ глаза съ нѣмымъ благоговѣніемъ, не жметъ ему таинственно руки и не приглашаетъ шопотомъ къ себѣ, въ кружокъ избранныхъ людей,— поговорить о томъ, что неправосудіе и рабство гибельны для государства. Напротивъ, теперь съ невольнымъ, презрительнымъ изумленіемъ

Но мы говорили, и теперь говоримъ, о людяхъ избранныхъ, людяхъ лучшихъ, а не о толпѣ, такъ какъ и Рудинъ, и всѣ люди его закала принадлежали вѣдь не къ толпѣ же, а къ лучшимъ людямъ своего времени. Впрочемъ мы не будемъ не правы, если скажемъ, что и въ массѣ общества уровень образованія въ послѣднее время все таки возвысился.

останавливаются предъ человѣкомъ, который выказываетъ недостатокъ сочувствія къ гласности, безкорыстію, эмансипаціи и т. п. Теперь даже люди въ душѣ не любящіе прогрессивныхъ идей должны показывать видъ, что любятъ ихъ, для того, тобы имѣть доступъ въ порядочное общество. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ, прежніе сѣятели добра, люди Рудинскаго закала, теряютъ значительную долю своего прежняго кредита. Ихъ уважаютъ, какъ старыхъ наставниковъ; но рѣдко кто, вошедши въ свой разумъ, расположенъ выслушивать опять тѣ уроки, которые съ такою жадностью принимались прежде, въ возрастѣ дѣтства и первоначальнаго развитія. Нужно уже нѣчто другое, нужно идти дальше [1]).

„Но, скажутъ намъ, вѣдь общество не до-

---

[1]) Противъ этой мысли можетъ повидимому свидѣтельствовать необыкновенный успѣхъ, которымъ встрѣчаются изданія сочиненій нѣкоторыхъ нашихъ писателей сороковыхъ годовъ. Особенно яркимъ примѣромъ служитъ Бѣлинскій, котораго сочиневія быстро разошлись, говорятъ, въ количествѣ 12,000 экземпляровъ. Но по нашему мнѣнію, этотъ самый фактъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ нашей мысли. Бѣлинскій былъ передовой изъ передовыхъ, дальше его не пошелъ ни одинъ изъ его сверстниковъ, и тамъ, гдѣ расхватано въ нѣсколько мѣсяцевъ 12,000 экземпляровъ Бѣлинскаго, Рудинымъ просто дѣлать нечего. Успѣхъ Бѣлинскаго доказываетъ вовсе не то, что его идеи еще новы для нашего общества и требуютъ большихъ усилій для распространенія, а именно то, что онѣ дороги и святы теперь для большинства и что ихъ проповѣданіе теперь ужъ не требуетъ отъ новыхъ дѣятелей ни героизма, ни особенныхъ талантовъ.

шло же до крайней точки въ своемъ развитіи; возможно дальнѣйшее совершенствованіе умственное и нравственное. Стало быть, нужны для общества и руководители, и проповѣдники истины, и пропагандисты, словомъ—люди Рудинскаго типа. Все прежнее принято и вошло въ общее сознаніе,—положимъ. Но это не исключаетъ возможности того, что явятся новые Рудины, проповѣдники новыхъ, высшихъ тенденцій, и опять будутъ бороться и страдать, и опять возбуждать къ себѣ симпатію общества. Предметъ этотъ дѣйствительно неистощимъ въ своемъ содержаніи, и постоянно можетъ приносить новые лавры такому писателю, какъ г. Тургеневъ".

Жалко было бы, если бы подобное замѣчаніе оправдалось именно теперь. Къ счастію оно, кажется, опровергается послѣднимъ движеніемъ литературы нашей. Разсуждая отвлеченно, нельзя не сознаться, что мысль о вѣчномъ движеніи и вѣчной смѣнѣ идей въ обществѣ, а слѣдовательно и о постоянной необходимости проповѣдниковъ этихъ идей — вполнѣ справедлива. Но вѣдь нужно же принять во вниманіе и то, что общества живутъ не затѣмъ только, чтобъ разсуждать и мѣняться идеями. Идеи и ихъ постепенное развитіе только потому и имѣютъ свое значеніе, что онѣ, рождаясь изъ существующихъ уже фактовъ, всегда предшествуютъ измѣненіямъ въ самой дѣйствительности. Извѣстное положеніе дѣлъ создаетъ въ обществѣ потребность, потребность эта сознается, вслѣдъ за

общимъ сознаніемъ ея должна явиться фактическая перемѣна въ пользу удовлетворенія сознанной всѣми потребности. Такимъ образомъ послѣ періода *сознаванія* извѣстныхъ идей и стремленій, долженъ явиться въ обществѣ періодъ ихъ *осуществленія;* за размышленіями и разговорами должно слѣдовать дѣло. Спрашивается теперь: что же дѣлало общество въ послѣднія 20 — 30 лѣтъ? Покамѣстъ сичего. Оно училось, развивалось, слушало Рудиныхъ, сочувствовало ихъ неудачамъ въ благородной борьбѣ за убѣжденія, приготовлялось къ дѣлу, но ничего не дѣлало... Въ головѣ и сердцѣ накопилось такъ много прекраснаго; въ существенномъ порядкѣ дѣлъ замѣчено такъ много нелѣпаго и безчестнаго; масса людей, „сознающихъ себя выше окружающей дѣйствительности", ростетъ съ каждымъ годомъ, такъ что скоро, пожалуй, всѣ будутъ выше дѣйствительности... Кажется, нечего желать, чтобъ мы продолжали вѣчно идти этимъ томительнымъ путемъ разлада, сомнѣнія и отвлеченныхъ горестей и утѣшеній. Кажется, ясно, что теперь нужны намъ не такіе люди, которые бы еще болѣе „возвышали насъ надъ окружающей дѣйствительностью", а такіе, которые бы подняли — или насъ научили поднять — самую дѣйствительность до уровня тѣхъ разумныхъ требованій, какія мы уже сознали. Словомъ, нужны люди дѣла, а не отвлеченныхъ, всегда немножко эпикурейскихъ разсужденій.

Сознаніе этого хотя смутно, но уже во мно-

гихъ выразилось при появленіи „Дворянскаго Гнѣзда“. Талантъ г. Тургенева, вмѣстѣ съ его вѣрнымъ тактомъ дѣйствительности, вынесъ его и на этотъ разъ съ торжествомъ изъ труднаго положенія. Онъ умѣлъ поставить Лаврецкаго такъ, что надъ нимъ трудно иронизировать, хотя онъ и принадлежитъ къ тому роду типовъ, на которые мы смотримъ съ усмѣшкой. Драматизмъ его положенія заключается уже не въ борьбѣ съ собственнымъ безсиліемъ, а въ столкновеніи съ такими понятіями и нравами, съ которыми борьба дѣйствительно устрашитъ самаго энергическаго и смѣлаго человѣка. Онъ женатъ и отступился отъ своей жены; но онъ полюбилъ чистое, свѣтлое существо, воспитанное въ такихъ понятіяхъ, при которыхъ любовь къ женатому человѣку есть ужасное преступленіе. А между тѣмъ она его тоже любитъ, и его притязанія могутъ безпрерывно и страшно терзать ея сердце и совѣсть. Надъ такимъ положеніемъ поневолѣ задумаешься горько и тяжело, и мы помнимъ, какъ болѣзненно сжалось наше сердце, когда Лаврецкій, прощаясь съ Лизой, сказалъ ей: „ахъ, Лиза, Лиза! какъ бы мы могли быть счастливы!“ и когда она, уже смиренная монахиня въ душѣ, отвѣтила: „вы сами видите, что счастье зависитъ не отъ насъ, а отъ Бога“, и онъ началъ-было: „да, потому что вы...“ и не договорилъ... Читатели и критики „Дворянскаго Гнѣзда“, помнится, восхищались многимъ другимъ въ этомъ романѣ. Но для насъ существеннѣйшій интересъ его заклю-

чается въ этомъ трагическомъ столкновеніи Лаврецкаго, пассивность котораго именно въ этомъ случаѣ мы не можемъ не извинить. Здѣсь Лаврецкій, какъ будто измѣняя одной изъ родовыхъ чертъ своего типа, почти не является даже пропагандистомъ. Начиная съ первой встрѣчи съ Лизой, когда она шла къ обѣднѣ, онъ во всемъ романѣ робко склоняется предъ незыблемостью ея понятій и ни разу не смѣетъ приступить къ ней съ холодными разувѣреніями. Но и это конечно потому, что здѣсь пропаганда была бы самымъ дѣломъ, котораго Лаврецкій, какъ и вся его братія, боится. При всемъ томъ намъ кажется (по крайней мѣрѣ казалось при чтеніи романа), что самое положеніе Лаврецкаго, самая коллизія, изображенная г. Тургеневымъ и столь знакомая русской жизни, — должна служить сильною пропагандою и наводить каждаго читателя на рядъ мыслей о значеніи цѣлаго огромнаго отдѣла понятій, заправляющихъ нашей жизнью. Теперь, по разнымъ печатнымъ и словеснымъ отзывамъ, мы знаемъ, что были не совсѣмъ правы: смыслъ положенія Лаврецкаго былъ понятъ иначе или совсѣмъ не выясненъ многими читателями. Но что въ немъ есть что-то законно-трагическое, а не призрачное,—это было понятно, и это, вмѣстѣ съ достоинствами исполненія, привлекло къ „Дворянскому Гнѣзду“ единодушное, восторженное участіе всей читающей русской публики.

Послѣ „Дворянскаго Гнѣзда“ можно было опасаться за судьбу новаго произведенія г. Тур-

генева. Путь созданія возвышенныхъ характеровъ, принужденныхъ смиряться подъ ударами рока, сдѣлался очень скользкимъ. Посреди восторговъ отъ „Дворянскаго Гнѣзда“, слышались и голоса, выражавшіе неудовольствіе на Лаврецкаго, отъ котораго ожидали больше. Самъ авторъ счелъ нужнымъ ввести въ свой разсказъ Михалевича, затѣмъ, чтобы тотъ обругалъ Лаврецкаго байбакомъ. А Илья Ильичъ Обломовъ, появившійся въ то же время, окончательно и рѣзко объяснилъ всей русской публикѣ, что теперь человѣку безсильному и безвольному лучше ужъ и не смѣшить людей, лучше лежать на своемъ диванѣ, нежели бѣгать, суетиться, шумѣть, разсуждать и переливать изъ пустого въ порожнее цѣлые годы десятки лѣтъ. Прочитавши Обломова, публика поняла его родство съ интересными личностями „лишнихъ людей“ и сообразила, что эти люди теперь ужъ дѣйствительно лишніе, и что отъ нихъ толку ровно столько же, сколько и отъ добрѣйшаго Ильи Ильича. „Что же теперь создастъ г. Тургеневъ?“—думали мы, и съ большимъ любопытствомъ принялись читать „Наканунѣ“.

Чутье настоящей минуты и на этотъ разъ не обмануло автора. Сознавши, что прежніе герои уже сдѣлали свое дѣло и не могутъ возбуждать прежней симпатіи въ лучшей части нашего общества, онъ рѣшился оставить ихъ и, уловивши въ нѣсколькихъ отрывочныхъ проявленіяхъ вѣяніе новыхъ требованій жизни, попробовалъ стать на дорогу,

по которой совершается передовое движеніе настоящаго времени.

Въ новой повѣсти г. Тургенева мы встрѣчаемъ другія положенія, другіе типы, нежели тѣ къ какимъ привыкли въ его произведеніяхъ прежняго періода. Общественная потребность дѣла, живого дѣла, начало презрѣнія къ мертвымъ принципамъ и пассивнымъ добродѣтелямъ выразилось во всемъ строѣ новой повѣсти. Безъ сомнѣнія, каждый, кто будетъ читать нашу статью, уже прочиталъ теперь «Наканунѣ". Поэтому мы, вмѣсто разсказа содержанія повѣсти, представимъ только коротенькій очеркъ главныхъ ея характеровъ.

Героиней романа является дѣвушка, съ серьезнымъ складомъ ума, съ энергической волей, съ гуманными стремленіями сердца. Развитіе ея совершилось очень своеобразно, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ семейнымъ.

Отецъ и мать ея были очень ограниченные, но не злые; мать даже положительно отличалась добротою и мягкостью сердца. Съ самаго дѣтства Елена была избавлена отъ семейнаго деспотизма, который губитъ въ зародышѣ такъ много прекрасныхъ натуръ. Она росла одна, безъ подругъ, совершенно свободно; никакой формализмъ не стѣснялъ ее. Николай Артемьичъ Стаховъ, отецъ ея, человѣкъ туповатый, но корчившій изъ себя философа скептическаго тона и державшійся подальше отъ семейной жизни, сначала только восхищался своей маленькой Еленой, въ которой рано обнаружи-

лись необыкновенныя способности. Елена, пока была мала, тоже съ своей стороны обожала отца. Но отношенія Стахова къ женѣ были не совсѣмъ удовлетворительны: онъ женился на Аннѣ Васильевнѣ для ея приданаго, не питалъ къ ней никакого чувства, обходился съ нею почти съ пренебреженіемъ и удалялся отъ нея въ общество Августы Христіановны, которая его обирала и дурачила. Анна Васильевна, больная и чувствительная женщина, въ родѣ Марьи Дмитріевны „Дворянскаго Гнѣзда", кротко переносила свое положеніе, но не могла на него не жаловаться всѣмъ въ домѣ и между прочимъ даже дочери. Такимъ образомъ Елена скоро сдѣлалась повѣренною горестей своей матери, и становилась невольно судьей между ей и отцомъ. При впечатлительности ея натуры это имѣло большое вліяніе на развитіе ея внутреннихъ силъ. Чѣмъ менѣе она могла дѣйствовать практически въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе представлялось работы ея уму и воображенію. Принужденная съ раннихъ лѣтъ всматриваться во взаимныя отношенія близкихъ ей людей, участвуя и сердцемъ, и головой въ разъясненіи смысла этихъ отношеній и произнесенія суда надъ ними, Елена рано пріучила себя къ самостоятельному размышленію, къ сознательному взгляду на все окружающее. Семейныя отношенія Стаховыхъ очеркнуты у г. Турненева очень бѣгло, но въ этомъ очеркѣ есть глубоко-вѣрныя указанія, весьма много объясняющія первоначальное развитіе характера Елены. По натурѣ

своей она была ребенкомъ впечатлительнымъ и умнымъ; положеніе ея между матерью и отцомъ рано вызвало ее на серьезныя размышленія, рано подняло ее до самостоятельной, до властительной роли. Она становилась въ уровень со старшими, дѣлала ихъ подсудимыми предъ собою. И въ то же время размышленія, ея не были холодны, съ ними сливалась вся душа ея, потому что дѣло шло о людяхъ слишкомъ близкихъ, слишкомъ дорогихъ для нея объ отношеніяхъ, съ которыми связаны были самыя святыя чувства, самые живые интересы дѣвочки. Оттого-то ея размышленія прямо отражались на ея сердечномъ расположеніи: отъ обожанія отца она перешла къ страстной привязанности къ матери, въ которой она стала видѣть существо притѣсненное, страдающее. Но въ этой любви къ матери не было ничего враждебнаго къ отцу, который не былъ ни злодѣемъ, ни положительнымъ дуракомъ, ни домашнимъ тираномъ. Онъ былъ только весьма обыкновенной посредственностью, и Елена охладѣла къ нему инстинктивно, а потомъ, можетъ, и сознательно, рѣшивши, что любить его не за что. Да скоро ту же посредственность увидала она и въ матери, и въ сердцѣ ея, вмѣсто страстной любви и уваженія, осталось лишь чувство сожалѣнія и снисхожденія: г. Тургеневъ очень удачно очертилъ ея отношенія къ матери, сказавши, что она „обходилась съ матерью, какъ съ больной бабушкой“. Мать признала себя ниже дочери; отецъ же, какъ только дочь стала перерастать его умственно,

что было очень нетрудно, охладѣлъ къ ней, рѣшилъ, что она странная, и отступился отъ нея.

А въ ней между тѣмъ все росло и расширялось сострадательное, гуманное чувство. Боль о чужомъ страданіи была возбуждена въ ея ребяческомъ сердце убитымъ видомъ матери, конечно, еще прежде, нежели она стала понимать хорошенько, въ чемъ дѣло. Эта боль давала ей себя чувствовать постоянно, сопровождала ее при каждомъ новомъ шагѣ ея развитія, придавала особенный, задумчиво-серьезный складъ ея мыслямъ, мало по малу вызвала и опредѣлила въ ней дѣятельныя стремленія и всѣ ихъ направила къ страстному, неодолимому исканію добра и счастья для всѣхъ. Еще смутны были эти исканія, слабы силы Елены, когда она нашла новую пищу для своихъ размышленій и мечтаній, новый предметъ своего участія и любви—въ странномъ знакомствѣ съ нищей дѣвочкой Катей. На десятомъ году подружилась она съ этой дѣвочкой, тайкомъ ходила къ ней на свиданіе въ садъ, приносила ей лакомства, дарила ей платки, гривеннички—игрушекъ Катя не брала; сидѣла съ ней по цѣлымъ часамъ, съ чувствомъ радостнаго смиренія ѣла ея черный хлѣбъ; слушала ея разсказы, выучилась ея любимой пѣсенкѣ, съ тайнымъ уваженіемъ и страхомъ слушала, какъ Катя обѣщалась убѣжать отъ своей злой тетки, чтобы жить *на всей Божьей волѣ*, и сама мечтала о томъ, какъ она надѣнетъ сумку и убѣжитъ съ Катей.

Катя вскорѣ умерла, но знакомство съ ней не могло не оставить рѣзкихъ слѣдовъ въ характерѣ Елены. Къ ея чистымъ, человѣчнымъ, сострадательнымъ расположеніямъ оно прибавило еще новую сторону: оно внушило ей то презрѣніе или по крайней мѣрѣ то строгое равнодушіе къ ненужнымъ излишествамъ богатой жизни, которое всегда проникаетъ душу не совсѣмъ испорченнаго человѣка въ виду безпомощной нищеты. Скоро вся душа Елены загорѣлась жаждою дѣятельнаго добра, и жажда эта стала на первый разъ удовлетворяться обычными дѣлами милосердія, какія возможны были для Елены. „Нищіе, голодны, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видѣла ихъ во снѣ, разспрашивала о нихъ всѣхъ своихъ знакомыхъ". Даже „всѣ притѣсненныя животныя, худыя дворовыя собаки, осужденныя на смерть котята, выпавшіе изъ гнѣзда воробьи, даже насѣкомыя и гады находили въ Еленѣ покровительство и защиту; она сама кормила ихъ, не гнушалась ими". Отецъ ея называлъ все это пошлымъ нѣжничаньемъ; но Елена не была сантиментальна, потому что сантиментальность именно характеризуется избыткомъ чувствъ и словъ при совершенномъ недостаткѣ дѣятельной любви, а чувство Елены постоянно стремилось проявиться на дѣлѣ. Пустыхъ ласкъ и нѣжностей она не терпѣла и вообще не придавала значенія словамъ безъ дѣла и уважала только практически-полезную дѣятельность. Даже стиховъ она не любила, даже въ художествѣ толку не знала.

Но дѣятельныя стремленія души зрѣютъ и крѣпнутъ только при дѣятельности просторной и вольной. Надо испробовать нѣсколько разъ свои силы, испытать неудачи и столкновенія, узнать, чего стоятъ разныя усилія и какъ преодолѣваются разныя препятствія,— для того, чтобы пріобрѣсть отвагу и рѣшимость, необходимыя для дѣятельной борьбы, чтобы узнать мѣру своихъ силъ и умѣть найти для нихъ соотвѣтственную работу. Елена, при всей свободѣ своего развитія, не могла найти достаточно средствъ для того, чтобы дѣятельно упражнять свои силы и удовлетворять свои стремленія. Ей никто не мѣшалъ дѣлать, что она хочетъ; но дѣлать было нечего. Ее не стѣсняли педантизмомъ систематическаго ученья, и потому она успѣла образоваться, не принявши въ себя множество предразсудковъ, неразлучныхъ съ системами, курсами и вообще съ рутиною образованія. Она много и съ участіемъ читала; но одно чтеніе не могло удовлетворять ее; оно имѣло только то вліяніе, что разсудочная сторона развилась въ Еленѣ сильнѣе другихъ и умственная требовательность стала пересиливать даже живыя стремленія сердца. Подаваніе милостыни, уходъ за щенками и котятами, защита мухи отъ паука— тоже не могли удовлетворить ее: когда она стала побольше и поумнѣе, она не могла не увидѣть всю скудость этой дѣятельности; да притомъ—эти занятія требовали отъ нея весьма мало усилій и не могли наполнять ея существованія. Ей нужно было чего-то больше, чего-то

выше; но чего—она не знала, а если и знала, то не умѣла приняться за дѣло. Отъ этого и находилась она постоянно въ какой-то ажитаціи, все ждала и искала чего-то; отъ этого и наружность ея приняла такой особенный характеръ. „Во всемъ ея существѣ, въ выраженіи лица, *внимательномъ и немного пугливомъ* въ *ясномъ, но измѣнчивомъ* взорѣ, въ улыбкѣ, какъ будто *напряженной*, въ голосѣ, *тихомъ и неровномъ*, было что-то нервическое, электрическое, что-то *порывистое и торопливое*“... Ясно, что она еще находится въ неопредѣленныхъ сомнѣніяхъ относительно самой себя, она еще не опредѣлила своей роли. Она поняла, чего ей ненужно, и смотритъ гордо и независимо на обычную обстановку своей жизни; но что ей нужно, и главное — что дѣлать, чтобы достигнуть того, что нужно,—этого она не знаетъ, и потому все существо ея напряжено, неровно, порывисто. Она все ждетъ, все живетъ наканунѣ чего-то... Она готова къ самой жизни, энергической дѣятельности, но приступить къ дѣлу сама по себѣ, одна—она не смѣетъ.

Въ этой-то несмѣлости, въ этой практической пассивности, при богатствѣ внутреннихъ силъ и при томительной жаждѣ дѣятельности—мы и видимъ живую связь героини г. Тургенева со всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ. По тому, какъ задуманъ характеръ Елены,—она представляетъ явленіе исключительное, и если бы въ самомъ дѣлѣ она являлась вездѣ выразительницею своихъ воззрѣній и стремленій—она бы оказалась чуждою рус-

скому обществу и не имѣла бы для насъ такого смысла, какъ теперь. Она была бы лицомъ сочиненнымъ, растеніемъ, неудачно пересаженнымъ на нашу почву откуда нибудь изъ другой земли. Но вѣрное чутье дѣйствительности не позволило г. Тургеневу придать своей героинѣ полнаго соотвѣтствія практической дѣятельности съ теоретическими ея понятіями и внутренними порывами души. На это еще не даетъ писателю матеріаловъ наша общественная жизнь. Во всемъ нашемъ обществѣ замѣтно теперь только еще пробудившееся желаніе приняться за настоящее дѣло, сознаніе пошлости разныхъ красивыхъ игрушекъ, возвышенныхъ разсужденій и неподвижныхъ формъ, которыми мы такъ долго себя тѣшили и дурачили. Но мы еще все-таки не вышли изъ той сферы, въ которой такъ спокойно было намъ спать, да и не знаемъ хорошенько, гдѣ выходъ; а если кто и узнаетъ, то еще боится открыть его. Это трудное, томительное положеніе общества необходимо кладетъ свою печать и на художественное произведеніе, вышедшее изъ среды его. Въ обществѣ могутъ быть отдѣльныя сильныя натуры, отдѣльныя лица могутъ достигать высокаго развитія нравственнаго; вотъ и въ литературныхъ произведеніяхъ являются такія личности. Но все это такъ и остается только въ очеркѣ натуры лица, а въ жизнь не переносится; предполагается возможнымъ, но въ дѣйствительности не совершается. Въ Ольгѣ „Обломова“ мы видѣли женщину идеальную, далеко ушедшую въ своемъ раз-

витіи отъ всего остального общества; но гдѣ ея практическая дѣятельность? Она способна, кажется, создать новую жизнь, а живетъ между тѣмъ въ той же пошлости, въ какой и всѣ ея подруги, потому что отъ этой пошлости, некуда уйти ей. Штольцъ ей нравится, какъ энергическая, дѣятельная натура; а между тѣмъ и онъ, при всемъ искусствѣ автора „Обломова" въ обрисовкѣ характеровъ, является передъ нами только со своими способностями и не даетъ видѣть, какъ онъ ихъ примѣняетъ; онъ лишенъ почвы подъ ногами и плаваетъ передъ нами какъ будто въ какомъ-то туманѣ. Теперь въ Еленѣ г. Тургенева мы видимъ новую попытку созданія энергичнаго, дѣятельнаго характера, и не можемъ сказать, чтобы обрисовка самаго характера не удалась автору. Если и рѣдко кому случалось встрѣчать такихъ женщинъ, какъ Елена, за то, конечно, многимъ приходилось замѣчать въ самыхъ обыкновенныхъ женщинахъ зародыши тѣхъ или другихъ существенныхъ чертъ ея характера, возможность развитія многихъ изъ ея стремленій. Какъ идеальное лицо, составленное изъ лучшихъ элементовъ, развивающихся въ нашемъ обществѣ, Елена понятна и близка намъ. Самыя стремленія ея опредѣляются для насъ очень ясно: Елена какъ будто служитъ отвѣтомъ на вопросы и сомнѣнія Ольги, которая, поживши съ Штольцемъ, томится и тоскуетъ и сама не можетъ дать себѣ отчета,— о чемъ. Въ образѣ Елены объясняется причина этой тоски, необходимо поражающей вся-

каго порядочнаго русскаго человѣка, какъ бы ни хороши были его собственныя обстоятельства. Елена жаждетъ дѣятельнаго добра, она ищетъ возможности устроить счастье вокругъ себя, потому что она не понимаетъ возможности не только счастья, но даже и спокойствія собственнаго, если ее окружаетъ горе, несчастія, бѣдность и униженіе ея ближнихъ.

Но какую же дѣятельность, сообразную съ такими внутренними требованіями, могъ дать г. Тургеневъ своей героинѣ? На это даже и отвлеченнымъ образомъ трудно отвѣтить; а художественно создать эту дѣятельность, вѣроятно, еще и невозможно для русскаго писателя настоящаго времени. Не откуда взять дѣятельности, и поневолѣ авторъ заставилъ свою героиню дешевымъ образомъ проявлять свои высокія стремленія въ подачѣ милостыни, да въ спасеніи заброшенныхъ котятъ. За дѣятельность, требующую большаго напряженія и борьбы, она и не умѣетъ, и боится приняться. Она видитъ во всемъ окружающемъ, что одно давитъ другое, и потому, именно вслѣдствіе своего гуманнаго, сердечнаго развитія, старается держаться въ сторонѣ отъ всего, чтобы какъ нибудь тоже не начать давить другихъ. Въ домѣ ни въ чемъ не замѣтно ея вліяніе: отецъ и мать ей какъ чужіе; они боятся ея авторитета, но никогда она не обратится къ нимъ съ совѣтомъ, указаніемъ или требованіемъ. Для нея живетъ въ домѣ компаньонка Зоя, молодая добродушная нѣмка: Елена отъ нея сторонится, почти не говоритъ съ

ней, и отношенія ихъ очень холодны. Тутъ же проживаетъ Шубинъ, молодой художникъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить: Елена уничтожаетъ его своими приговорами, но и не думаетъ постараться пріобрѣсти надъ нимъ какое нибудь вліяніе, которое было бы ему очень полезно. Во всей повѣсти нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы жажда дѣятельнаго добра заставила Елену вмѣшаться въ дѣла окружающей ее среды и проявить чѣмъ нибудь свое вліяніе. Мы не думаемъ, чтобъ это зависило отъ случайной ошибки автора; нѣтъ, въ нашемъ обществѣ еще очень недавно, да и не между женщинами, а изъ среды мужчинъ, возвышался и блисталъ особенный типъ людей, гордившихся своимъ устраненіемъ отъ окружающей ихъ среды. „Тутъ невозможно сохранить себя чистымъ,—говорили они,—и притомъ вся эта среда такъ мелка и пошла что лучше удалиться отъ нея въ сторону". И они точно удалялись, не сдѣлавъ ни одной энергической попытки для исправленія этой пошлой среды, и удаленіе ихъ считалось единственнымъ честнымъ выходомъ изъ ихъ положенія и прославлялось, какъ подвигъ. Естественно, что, имѣя въ виду такіе примѣры и понятія, авторъ не могъ лучше освѣтить домашнюю жизнь Елены, какъ поставивъ ее совершенно въ сторонѣ отъ этой жизни. Впрочемъ, какъ мы сказали, безсилію Елены приданъ въ повѣсти особенный мотивъ, вытекающій изъ ея женственнаго, гуманнаго чувства: она боится всякихъ столкновеній,—не по недостатку му-

жества, а изъ опасенія нанести кому нибудь оскорбленіе и вредъ. Никогда не испытавъ полной, дѣятельной жизни, она воображаетъ еще, что ея идеалы могутъ быть достигнуты безъ борьбы, безъ ущерба кому бы то ни было. Послѣ одного случая (когда Инсаровъ героически бросилъ въ воду пьянаго Нѣмца) она писала въ своемъ дневникѣ: „Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы этотъ ядъ въ глазахъ? Или, можетъ быть, иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ, и остаться кроткимъ и мягкимъ?“ Эта простая мысль пришла ей въ голову только теперь, да и то еще въ видѣ вопроса, котораго она такъ и не разрѣшаетъ.

Въ этой-то неопредѣленности, въ этомъ бездѣйствіи при безпрерывномъ томительномъ ожиданіи чего-то, доживаетъ Елена до двадцатаго года своей жизни. По временамъ ей очень тяжело; она сознаетъ, что силы ея пропадаютъ даромъ, что жизнь ея пуста; она говоритъ про себя: „хоть бы въ служанки куда нибудь пошла, право; мнѣ было бы легче“. Это тяжкое расположеніе увеличивается въ ней тѣмъ, что она ни въ комъ не находитъ отзыва на свои чувства, ни въ комъ не видитъ опоры для себя. Иногда ей кажется, что она желаетъ чего-то, чего никто не желаетъ, о чемъ никто не мыслитъ въ цѣлой Россіи... Ей становится страшно, и потребность сочувствія развивается сильнѣе, и она напряженно и трепетно ждетъ другой души, которая бы умѣла

понять ее, отозваться на ея святыя чувства, помочь ей, научить ее, что надо дѣлать. Въ ней являлось желаніе отдаться кому нибудь, слить съ кѣмъ нибудь свое существо, и ей становилась непріятною даже эта самостоятельность, съ которою она такъ одиноко стояла въ кругу близкихъ ей людей. „Съ шестнадцатилѣтняго возраста она жила собственною, своею жизнію, но жизнію одинокою. Ея душа разгоралась и погасла одиноко, она билась, какъ птица въ клѣткѣ, а клѣтки не было; никто не стѣснялъ ее; никто не удерживалъ, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась сама себя. Все, что окружало ее, казалось ей не то безсмысленнымъ, не то непонятнымъ. „Какъ жить безъ любви, а любить некого“, — думала она, и страшно становилась ей отъ этихъ думъ, отъ этихъ ощущеній.

При такомъ-то настроеніи ея сердца, лѣтомъ на дачѣ въ Кунцовѣ, застаетъ ее дѣйствіе повѣсти. Въ короткій промежутокъ времени являются предъ нею три человѣка, изъ которыхъ одинъ привлекаетъ къ себѣ всю ея душу. Тутъ есть впрочемъ и четвертый, эпизодически введенный, но тоже нелишній господинъ, котораго мы тоже будемъ считать. Трое изъ этихъ господъ—Русскіе, четвертый — Болгаръ, и въ немъ-то нашла свой идеалъ Елена. Посмотримъ на всѣхъ этихъ господъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей, страстно по-своему влюбленный въ Елену, — художникъ Павелъ Яковличъ Шубинъ, хорошенькій и гра-

ціозный юноша лѣтъ 25, добродушный и остроумный, веселый и страстный, безпечный и талантливый. Онъ доводится троюроднымъ племянникомъ Аннѣ Васильевнѣ, матери Елены, и потому очень близокъ къ молодой дѣвушкѣ и надѣется заслужить ея серьезное расположеніе. Но она постоянно смотритъ на него свысока и считаетъ его неглупымъ, но балованнымъ ребенкомъ, съ которымъ нельзя обращаться серьезно. Впрочемъ, Шубинъ говоритъ своему другу: „было время, я ей нравился", и дѣйствительно, у него много условій для того, чтобы нравиться; немудрено, что и Елена на минуту придала болѣе значенія его хорошимъ сторонамъ, нежели его недостаткамъ. Но скоро она увидѣла художественность этой натуры, увидѣла, что здѣсь все зависитъ отъ минуты, ничего нѣтъ постояннаго и надежнаго, весь организмъ составленъ изъ противорѣчій, лѣнь заглушаетъ способности, а даромъ потраченное время вызываетъ потомъ безплодное раскаяніе, подымаетъ желчь, возбуждаетъ презрѣніе къ самому себѣ, которое въ свою очередь служитъ утѣшеніемъ въ неудачахъ и заставляетъ гордиться и любоваться собою. Все это Елена поняла, инстинктивно, безъ тяжелыхъ мукъ недоумѣнья, и потому рѣшеніе ея относительно Шубина совершенно спокойно и беззлобно. „Вы воображаете, что во мнѣ все притворно; вы не вѣрите моему раскаянію, не вѣрите, что я могу искренно плакать!"—говоритъ ей однажды Шубинъ въ отчаянномъ порывѣ. И она не отвѣчаетъ: „не вѣрю", а говоритъ

просто: „нѣтъ, Павелъ Яковлевичъ, я вѣрю въ ваше раскаяніе, и въ ваши слезы я вѣрю; но мнѣ кажется, самое ваше раскаяніе васъ забавляетъ, да и слезы тоже". Шубинъ такъ и дрогнулъ отъ этого простого приговора, который дѣйствительно долженъ былъ глубоко вонзиться въ его сердце. Онъ самъ никогда не предполагалъ, чтобъ его порывы, противорѣчія, страданія, метанья изъ стороны въ сторону — можно было понять и объяснить такъ просто и вѣрно. При этомъ объясненіи онъ даже перестаетъ дѣлаться „интереснымъ человѣкомъ". И дѣйствительно, какъ только Елена составила о немъ мнѣніе, — онъ уже не занимаетъ ее. Ей все равно — тутъ онъ или нѣтъ помнитъ о ней или забылъ, любитъ ее или ненавидитъ; у ней съ нимъ ничего нѣтъ общаго, хотя она не прочь искренно похвалить его, если онъ сдѣлаетъ что нибудь достойное его таланта...

Другой начинаетъ занимать ея мысли. Этотъ совершенно въ иномъ родѣ; онъ неуклюжъ, старообразенъ, лицо его некрасиво и даже нѣсколько смѣшно, но выражаетъ привычку мыслить и доброту. Кромѣ того, по словамъ автора, какой-то *отпечатокъ порядочности* замѣчался во всемъ его неуклюжемъ существѣ". Это Андрей Петровичъ Берсеневъ, близкій другъ Шубина. Онъ философъ, ученый, читаетъ Исторію Гогенштауфеновъ и другія нѣмецкія книжки, исполненъ скромности и самоотверженія. На возгласы Шубина: „намъ нужно счастья, счастья! Мы завоюемъ себѣ сча-

стье!"—онъ недовѣрчиво возражаетъ: „будто нѣтъ ничего выше счастья?"—и затѣмъ между ними происходитъ такой разговоръ:

— А напримѣръ? спросилъ Шубинъ и остановился.

— Да вотъ, напримѣръ, мы съ тобой, какъ ты говоришь,—молоды, мы хорошіе люди, положимъ, каждый изъ насъ желаетъ себѣ счастья. Но такое ли это слово: „счастье", которое соединило, воспламенило бы насъ обоихъ, заставило бы подать другъ другу руки? Не эгоистическое ли, я хочу сказать, не разъединяющее ли это слово?

— А ты знаешь такія слова, которыя соединяютъ.

— Да; и ихъ не мало; и ты ихъ знаешь.

— Ну-ка, какія это слова?

— Да хоть бы искусство, такъ какъ ты художникъ; родина, наука, свобода, справедливость.

— А любовь? спросилъ Шубинъ.

— И любовь—соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь, не любовь-наслажденіе, любовь-жертва.

Шубинъ нахмурился.

— Это хорошо для Нѣмцевъ; я хочу любить для себя; я хочу быть номеромъ первымъ.

— Номеромъ первымъ, повторилъ Берсеневъ. — А мнѣ кажется, поставить себя номеромъ вторымъ—все назначеніе нашей жизни.

— Если всѣ такъ будутъ поступать, какъ ты совѣтуешь, промолвилъ съ жалобной гримасой Шубинъ: — никто на землѣ не будетъ ѣсть ананасовъ; всѣ другимъ ихъ предоставлять будутъ.

— — Значитъ, ананасы ненужны; а впрочемъ не бойся: всегда найдутся любители даже хлѣбъ отъ чужого рта отнимать".

Изъ этого разговора видно, какіе благородные принципы у Берсенева и какъ душа его способна къ тому, что называется самоотверженіемъ. Онъ выражаетъ искреннюю готовность пожертвовать своимъ стастьемъ для од-

ного изъ тѣхъ словъ, которыя онъ называетъ „соединяющими“. Этимъ онъ долженъ привлечь сочувствіе такой дѣвушки, какъ Елена. Но тутъ же видно и то, почему онъ не можетъ овладѣть всею ея душою, всей полнотой ея жизни. Это одинъ изъ героевъ пассивныхъ добродѣтелей, человѣкъ, умѣющій многое перенести, многимъ жертвовать, вообще выказать благородное поведеніе, когда приведетъ къ тому случай; но онъ не сумѣетъ и не посмѣетъ опредѣлить себя на широкую и смѣлую дѣятельность, на вольную борьбу, на самостоятельную роль въ какомъ нибудь дѣлѣ. Онъ самъ хочетъ быть номеромъ вторымъ, потому что въ этомъ видитъ назначеніе всего живущаго; и дѣйствительно, роль его въ повѣсти напоминаетъ отчасти Бизьменкова въ „Лишнемъ Человѣкѣ“, и еще болѣе Крупицина въ „Двухъ Пріятеляхъ“. Онъ, влюбленный въ Елену, становится посредникомъ между ею и Инсаровымъ, котораго она полюбила, великодушно помогаетъ имъ, ухаживаетъ за Инсаровымъ во время его болѣзни, отказывается отъ своего счастья въ пользу друга, хотя и не безъ стѣсненія сердца, и даже не безъ ропота. Сердце у него доброе и любящее но изъ всего видно, что добро онъ всегда будетъ дѣлать не столько по влеченію сердца, сколько потому, что *надо* дѣлать добро. Онъ находитъ, что надо жертвовать своимъ счастьемъ для родины, науки, и пр., и этимъ самымъ онъ осуждаетъ себя быть вѣчнымъ рабомъ и мученикомъ идеи. Онъ отдѣляетъ свое

счастье, напр., отъ родины, онъ бѣднякъ, не умѣетъ возвыситься до того, чтобы понять благо родины нераздѣльно съ своимъ собственнымъ счастьемъ и чтобы не понимать счастья для себя иначе, какъ при благоденствіи родины. Напротивъ, онъ какъ будто боится, что его личное счастье будетъ мѣшать благу родины, торжеству справедливости, успѣхамъ науки, и т. п. Оттого онъ боится желать себѣ счастья, и по благородству своихъ принциповъ рѣшается жертвовать имъ для означенныхъ имъ идей, считая это, разумѣется, большимъ одолженіемъ съ своей стороны. Ясно, что такого человѣка только и хватитъ на пассивное благородство. Но не ему слиться душою съ какимъ нибудь великимъ дѣломъ, не ему позабыть весь міръ для любимой мысли, не ему воспламениться ею и сражаться за нее, какъ за свою радость, свою жизнь, за свое счастье... Онъ дѣлаетъ то, что велитъ ему долгъ, стремится къ тому, что признаетъ справедливымъ по принципу; но дѣйствія его вялы, холодны, неувѣренны, потому что онъ постоянно сомнѣвается въ своихъ силахъ. Онъ отлично кончилъ курсъ въ университетѣ, любитъ науку, занимается постоянно и желаетъ быть профессоромъ: кажется, чего проще? Но когда Елена спрашиваетъ о профессорствѣ, онъ считаетъ нужнымъ съ похвальною скромностью оговориться: „конечно, я очень хорошо знаю все, чего мнѣ недостаетъ для того, чтобы быть достойнымъ такого высокаго... Я хочу сказать, что я слишкомъ мало подготовленъ; но я на-

дѣюсь получить позволеніе съѣздить за границу"... Точь-въ-точь вступленіе къ академической рѣчи: „надѣюсь, Мм. гг., что вы благосклонно извините сухость и блѣдность моего изложенія", и пр...

А между тѣмъ профессорство, о которомъ Берсеневъ такъ отзывается, составляетъ завѣтную мечту его! На вопросъ Елены, будетъ ли онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ, если получитъ каѳедру, — онъ отвѣчаетъ: „вполнѣ, Елена Николаевна, вполнѣ. Какое же можетъ быть лучше призваніе? Подумайте, пойти по слѣдамъ Тимоѳея Николаевича... Одна мысль о подобной дѣятельности наполняетъ меня радостью и смущеніемъ... да,—смущеніемъ, котораго... которое происходитъ отъ сознанія моихъ малыхъ силъ". То же сознаніе своихъ малыхъ силъ заставляетъ его упорно не вѣрить тому, что Елена его полюбила, а потомъ сокрушаться, что она къ нему стала равнодушна. Это самое сознаніе проглядываетъ и въ томъ, когда онъ рекомендуетъ своего пріятеля Инсарова между прочимъ тѣмъ, что онъ денегъ взаймы не беретъ. Тѣмъ же сознаніемъ отзываются даже его разсужденія о природѣ. Онъ говоритъ, что природа возбуждаетъ въ немъ какое-то безпокойство, тревогу, даже грусть, и спрашиваетъ Шубина: „что это значитъ? Сильнѣе ли мы сознаемъ передъ нею, передъ ея лицомъ, всю нашу неполноту, нашу неясность, или же мало того удовлетворенія, какимъ она довольствуется, а другого, то есть я хочу сказать—того, чего намъ нужно, у нея

нѣтъ?“ Въ этомъ пустопорожне-романтическомъ родѣ большая часть разсужденій Берсенева. А между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ повѣсти упоминается, что онъ разсуждалъ о Фейербахѣ: вотъ любопытно бы послушать, что онъ о Фейербахѣ-то говоритъ!...

Итакъ, Берсеневъ—весьма хорошій русскій дворянинъ, воспитанный на началахъ долга и пустившійся потомъ въ ученость и философію. Онъ гораздо дѣльнѣе и надежнѣе Шубина, и если его повести по какому нибудь пути, то онъ пойдетъ охотно и прямо. Но самъ вести онъ не можетъ, не только другихъ, но даже и себя самого: иниціативы нѣтъ у него въ натурѣ, и онъ не успѣлъ ее пріобрѣсти ни въ воспитаніи, ни въ послѣдующей жизни. Елена сначала почувствовала симпатію къ нему за то, что онъ добрый и все о дѣлѣ говоритъ. Она даже совѣстится предъ нимъ своего невѣжества, по тому случаю, что онъ все приноситъ ей книги, которыхъ она читать не можетъ. Но совершенно привязаться къ нему, отдать ему свою душу, свою судьбу она не можетъ: она еще прежде, чѣмъ увидѣла Инсарова, инстинктивно поняла, что Берсеневъ не то, чего ей нужно. И дѣйствительно, можно съ достовѣрностью утверждать, что Берсеневъ струсилъ бы, еслибъ Елена вздумала навязаться ему на шею, и непремѣнно убѣжалъ бы подъ разными, весьма благовидными предлогами.

Впрочемъ на безлюдьи, въ которомъ жила Елена, она увлекалась было на минуту Берсе-

невымъ и уже спрашивала себя: не онъ ли тотъ, кого такъ давно и такъ жадно ждала душа ея, кто долженъ былъ вывести ее изъ всѣхъ недоумѣній и указать ей путь дѣятельности? Но самъ же Берсеневъ привелъ къ ней Инсарова, и очарованіе исчезло...

Въ Инсаровѣ, строго говоря, нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Берсеневъ и Шубинъ, и сама Елена, и наконецъ даже авторъ повѣсти характеризуютъ его все болѣе отрицательными качествами. Онъ никогда не лжетъ, не измѣняетъ своему слову, не беретъ взаймы денегъ, не любитъ разговаривать о своихъ подвигахъ, не откладываетъ исполненія принятаго рѣшенія, его слово не расходится съ дѣломъ и т. п. Словомъ, въ немъ нѣтъ тѣхъ чертъ, за которыя долженъ горько упрекать себя всякій человѣкъ, имѣющій претензію считать себя порядочнымъ. Но кромѣ того онъ—Болгаръ, питающій въ душѣ страстное желаніе освободить свою родину, и этой мысли онъ предается весь, открыто и увѣренно, въ ней заключается конечная цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью: подобная мысль, столь естественная въ русскомъ ученомъ дворянинѣ Берсеневѣ, не можетъ даже въ голову придти простому Болгару. Напротивъ, онъ потому-то и хлопочетъ о свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое личное спокойствіе, счастье всей своей жизни; онъ бы оставилъ въ покоѣ порабощенную родину, еслибъ только могъ найти удовлетвореніе себѣ въ чемъ нибудь

другомъ. Но онъ никакъ не можетъ понять себя отдѣльно отъ родины. „Какъ же это можно быть довольнымъ и счастливымъ, когда свои земляки страдаютъ? — думаетъ онъ.—Какъ же можетъ человѣкъ успокоиться пока его родина порабощена и угнетена? И, какое занятіе можетъ быть для него пріятно, если оно не ведетъ къ облегченію участи бѣдныхъ земляковъ?“ Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ свое задушевное дѣло совершенно спокойно, безъ натяжекъ и фанфаронадъ, такъ же просто, какъ ѣстъ и пьетъ. Покамѣстъ ему приходится еще мало работать для прямого выполненія своей идеи; но что же дѣлать? Ему приходится теперь и ѣсть плохо и мало и даже иной разъ голодать случается; но все-таки пища, хоть и скудная, составляетъ необходимое условіе его существованія. Такъ и освобожденіе родины: онъ учится въ Московскомъ университетѣ, чтобы образоваться вполнѣ и сблизиться съ Русскими, и въ теченіе повѣсти довольствуется покамѣстъ тѣмъ, что переводитъ болгарскія пѣсни на русскій языкъ, составляетъ болгарскую грамматику для Русскихъ и русскую для Болгаръ, переписывается съ своими земляками и собирается ѣхать на родину — подготовлять возстаніе, при первой вспышкѣ восточной войны (дѣйствіе повѣсти въ 1853 году). Конечно, это скудная пища для дѣятельнаго патріотизма Инсарова; но онъ свое пребываніе въ Москвѣ и не считаетъ еще настоящею жизнью, свою слабую дѣятельность не считаетъ удовлетворительною даже для

своего личнаго чувства. Онъ также живетъ *наканунѣ* великаго дня свободы, въ которой существо его озарится сознаніемъ счастья, жизнь наполнится и будетъ уже настоящей жизнью. Этого дня ждетъ онъ, какъ праздника и вотъ почему не приходитъ ему въ голову сомнѣваться въ себѣ и холодно разсчитывать и взвѣшивать, сколько именно можетъ онъ сдѣлать и съ какимъ великимъ мужемъ успѣетъ поровняться. Будетъ ли онъ Тимоѳеемъ Николаичемъ или Иваномъ Иванычемъ, — до этого ему рѣшительно нѣтъ дѣла; придется ли быть нумеромъ первымъ или вторымъ, — онъ объ этомъ и не думаетъ. Онъ будетъ дѣлать то, къ чему влечетъ его натура; если натура у него такая, что лучше не найдется, онъ станетъ первымъ нумеромъ, пойдетъ во главѣ; если найдутся люди крѣпче и смѣлѣе его, онъ пойдетъ за ними, и въ обоихъ случаяхъ останется неизмѣннымъ и вѣрнымъ себѣ. Гдѣ стать и до чего дойти,—это опредѣляютъ обстоятельства; но онъ хочетъ идти, онъ не можетъ не идти, не потому, чтобы боялся нарушить какой нибудь долгъ, а потому, что онъ умеръ бы, если бы ему нельзя было двинуться съ мѣста. Въ этомъ огромная разница между нимъ и Берсеневымъ. Берсеневъ тоже способенъ къ жертвамъ и подвигамъ; но онъ похожъ при этомъ на великодушную дѣвушку, которая для спасенія отца рѣшается на ненавистный бракъ. Съ затаенной болью и тяжкой покорностью судьбѣ ждетъ она дня свадьбы и рада была бы, еслибъ что нибудь ей помѣшало. Инсаровъ

напротивъ, дня своихъ подвиговъ, наступленія своей самоотверженной дѣятельности ждетъ страстно и нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой. Одна только боязнь и тревожитъ его: какъ бы что нибудь не разстроило, не отсрочило желанной минуты. Любовь къ свободѣ родины у Инсарова не въ разсудкѣ, не въ сердцѣ, не въ воображеніи: она у него во всемъ организмѣ и что бы ни вошло въ него, все претворяется силою этого чувства, подчиняется ему, сливается съ нимъ. Оттого, при всей обыкновенности своихъ способностей, при всемъ отсутствіи блеска въ своей натурѣ, онъ стоитъ неизмѣримо выше, дѣйствуетъ на Елену несравненно сильнѣе и обаятельнѣе, нежели блестящій Шубинъ и умный Берсеневъ, хотя оба они тоже люди благородные и любящіе. Елена дѣлаетъ о Берсеневѣ очень мѣткое замѣчаніе въ своемъ дневникѣ (на который вообще авторъ не пожалѣлъ своего глубокомыслія и остроумія): „Андрей Петровичъ, можетъ быть, ученѣе его (Инсарова), можетъ быть даже умнѣе... Но, я не знаю, — *онъ передъ нимъ такой маленькій*“.

Разсказывать ли исторію сближенія Елены съ Инсаровымъ и любви ихъ? Кажется, не нужно. Вѣроятно, наши читатели хорошо помнятъ эту исторію; да вѣдь этого и не разскажешь. Намъ страшно прикоснуться своей холодной и жесткой рукою къ этому нѣжному, поэтическому созданію: сухимъ и безчувственнымъ пересказомъ мы боимся даже профани-

ровать чувство читателя, непремѣнно возбуждаемое поэзіей тургеневскаго разсказа. Пѣвецъ чистой, идеальной женской любви, г. Тургеневъ такъ глубоко заглядываетъ въ юную, дѣвственную душу, такъ полно охватываетъ ее и съ такимъ вдохновеннымъ трепетомъ, съ такимъ жаромъ любви рисуетъ ея лучшія мгновенія, что намъ въ его разсказѣ такъ и чуется — и колебаніе дѣвственной груди, и тихій вздохъ, и увлаженный взглядъ, слышится каждое біеніе взволнованнаго сердца, и наше собственное сердце млѣетъ и замираетъ отъ томнаго чувства, и благодатныя слезы не разъ подступаютъ къ глазамъ, и изъ груди рвется что-то такое, — какъ будто мы свидѣлись со старымъ другомъ послѣ долгой разлуки или возвращаемся съ чужбины къ родимымъ мѣстамъ. И грустно, и весело это ощущеніе: тамъ свѣтлыя воспоминанія дѣтства, невозвратно мелькнувшаго, тамъ гордыя и радостныя надежды юности, тамъ идеальныя, дружныя мечты чистаго и могучаго воображенія, еще не смиреннаго, не униженнаго испытаніями житейскаго опыта. Все это прошло и не будетъ больше; но еще не пропалъ человѣкъ, который хоть въ воспоминаніи можетъ вернуться къ этимъ свѣтлымъ грезамъ, къ этому чистому, младенческому упоенію жизнію, къ этимъ идеальнымъ, величавымъ замысламъ и—содрогнуться потомъ, при взглядѣ на ту грязь, пошлость и молчаливость, въ которой проходитъ его теперешняя жизнь. И благо тому, кто умѣетъ пробуждать въ другихъ такія воспоминанія,

вызвать такое настроеніе души... Талантъ г. Тургенева всегда силенъ этою стороною, его повѣсти постоянно производили своимъ общимъ строемъ такое чистое впечатлѣніе, и въ этомъ, конечно, заключается ихъ существенное значеніе для общества. Не чуждо этого значенія и „Наканунѣ“ въ изображеніи любви Елены. Мы увѣрены, что читатели и безъ насъ сумѣютъ опѣнить всю прелесть тѣхъ страстныхъ, нѣжныхъ и томительныхъ сценъ, тѣхъ тонкихъ и глубокихъ психологическихъ подробностей, которыми рисуется любовь Елены и Инсарова съ начала до конца. Вмѣсто всякаго разсказа мы напомнимъ только дневникъ Елены, ея ожиданіе, когда Инсаровъ долженъ былъ придти проститься, сцену въ часовенкѣ, возвращеніе Елены домой послѣ этой сцены, три посѣщенія къ Инсарову, особенно послѣднее [1]), потомъ про-

---

[1]) Есть люди, которыхъ воображеніе до того засалено и развращено, что въ этой прелестной, чистой и глубоко-нравственной сценѣ полнаго, страстнаго сліянія двухъ любящихъ существъ, они увидятъ только матеріалъ для сладострастныхъ представленій. Судя обо всѣмъ по себѣ, они возопіютъ даже, что эта сцена можетъ имѣть дурное вліяніе на нравственность, ибо возбуждаетъ нечистыя мысли. Но пусть ихъ вопіютъ: вѣдь есть люди, которые и при видѣ Венеры Милоской говорятъ съ пріапической улыбкой: „а она... того... годится“... Но не для этихъ людей — искусства и поэзія, да не для нихъ и истинная нравственность. Въ нихъ все претворяется во что-то отвратительно-нечистое. Но дайте прочитать эти же сцены невинной, чистой сердцемъ дѣвушкѣ, и повѣрьте — ничего, кромѣ самыхъ свѣтлыхъ и благородныхъ помысловъ, не вынесетъ она изъ этого чтенія.

щанье съ матерью, съ родиной, отъѣздъ, наконецъ послѣднюю прогулку ея съ Инсаровымъ по Ganal Grande, слушанье Травіата и возвращеніе. Это послѣднее изображеніе особенно сильно подѣйствовало на насъ своей строгой истиной и безконечно-грустной прелестью; для насъ это самое задушевное, самое симпатичное мѣсто всей повѣсти.

Предоставляя самимъ читателямъ насладиться припоминаніемъ всего развитія повѣсти мы обратимся опять къ характеру Инсарова, или лучше къ тому отношенію, въ какомъ стоитъ онъ къ окружающему его русскому обществу. Мы уже видѣли, что онъ здѣсь почти не дѣйствуетъ для достиженія своей главной цѣли; только разъ видимъ мы, что уходитъ за 60 верстъ для примиренія поссорившихся земляковъ, жившихъ въ Троицкомъ посадѣ, да въ концѣ его пребыванія въ Москвѣ упомянуто, что онъ разъѣзжалъ по городу и видался украдкой съ разными лицами. Да, разумѣется — ему и нечего было дѣлать, живя въ Москвѣ; для настоящей дѣятельности нужно было ему ѣхать въ Болгарію. И онъ поѣхалъ туда, но на дорогѣ смерть застигла его, и дѣятельности его мы такъ и не видимъ въ повѣсти. Изъ этого ясно, что сущность повѣсти вовсе не состоитъ въ представленіи намъ образца гражданской, т. е. общественной доблести, какъ нѣкоторые, можетъ быть, подумаютъ. Тутъ нѣтъ упрека русскому молодому поколѣнію, нѣтъ указанія на то, каковъ долженъ быть гражданскій ге-

рой. Еслибъ это входило въ планъ автора, то онъ долженъ былъ бы поставить своего героя лицомъ къ лицу съ самымъ дѣломъ,—съ партіями, съ народомъ, съ чужимъ правительствомъ, съ своими единомышленниками, съ вражеской силой... Но авторъ нашъ вовсе не хотѣлъ, да, сколько мы можемъ судить по всѣмъ его прежнимъ произведеніямъ, и не въ состояніи былъ бы написать героическую эпопею. Его дѣло совсѣмъ другое: изъ всей Иліады и и Одиссеи онъ присваиваетъ себѣ только разсказъ о пребываніи Улисса на островѣ Калипсы, и далѣе этого не простирается. Давши намъ понять и почувствовать, что такое Инсаровъ и въ какую среду попалъ онъ,—г. Тургеневъ весь отдается изображенію того, какъ Инсаровъ любитъ и какъ его любятъ. Тамъ, гдѣ любовь должна наконецъ уступить мѣсто живой гражданской дѣятельности, онъ прекращаетъ жизнь своего героя и оканчиваетъ повѣсть.

Въ чемъ же, стало быть, смыслъ проявленія *Болгара* въ этой исторіи? Что тутъ значитъ Болгаръ, почемо не Русскій? Развѣ между Русскими уже и нѣтъ такихъ натуръ, развѣ Русскіе неспособны любить страстно и рѣшительно, неспособны очертя голову жениться по любви? Или это просто прихоть авторскаго воображенія, и въ ней не нужно отыскивать никакого особеннаго смысла? „Взялъ, молъ, себѣ Болгара, да и кончено; а могъ бы взять и Цыгана, и Китайца пожалуй...“

Отвѣтъ на эти вопросы зависитъ отъ воз-

зрѣнія на весь смыслъ повѣсти. Намъ кажется, что Болгаръ дѣйствительно здѣсь могъ быть замѣненъ пожалуй другою національностью—Сербомъ, Чехомъ, Итальянцемъ, Венгеромъ,—только не Полякомъ и не Русскимъ. Почему не Полякомъ, объ этомъ, разумѣется, и вопроса быть не можетъ; а почему не Русскимъ,—въ этомъ заключается весь вопросъ, и мы постараемся отвѣтить на всего, какъ умѣемъ.

Дѣло въ томъ, что въ „Наканунѣ" главное лицо—Елена. Въ ней сказалась та смутная тоска по чемъ-то, то почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и даже не одно только тамъ называемое образованное. Въ Еленѣ такъ ярко отразились лучшія стремленія нашей современной жизни, а въ ея окружающихъ, такъ рельефно выступаетъ все пошлое той же жизни, что невольно беретъ охота провести аллегорическій параллель. Тутъ все пришлось бы на мѣстѣ: и незлой, но пустой и туповажничающій Стаховъ, въ соединеніи съ Анной Васильевной, которую Шубинъ называетъ курицей, и Нѣмка-компаньонка, съ которой Елена такъ холодна, и сонливый, но по временамъ глубокомысленный Уваръ Ивановичъ, котораго волнуетъ только извѣстіе о контробомбардонѣ, и даже неблаговидный лакей, доносящій на Елену отцу, когда уже все дѣло кончено... Но подобныя параллели, несомнѣнно доказывающія игривость воображенія, становятся натянуты и смѣшны, когда уходятъ

въ большія подробности. Поэтому мы удержимся отъ подробностей и сдѣлаемъ лишь нѣсколько самыхъ общихъ замѣчаній.

Развитіе Елены основано не на большой учености, не на обширномъ опытѣ жизни; лучшая, идеальная сторона ея существа раскрылась, выросла и созрѣла въ ней при видѣ кроткой печали родного ей лица, при видѣ бѣдныхъ, больныхъ и угнетенныхъ, которыхъ она находила и видѣла всюду, даже во снѣ. Не на подобныхъ ли впечатлѣніяхъ выросло и воспиталось все лучшее въ русскомъ обществѣ? Не характеризуется ли у насъ каждый истинно порядочный человѣкъ ненавистью ко всякому насилію, произволу, притѣсненію и желаніемъ помочь слабымъ и угнетеннымъ? Мы не говоримъ: „борьбою въ защиту слабыхъ отъ обиды сильныхъ“, потому что этого нѣтъ, но именно *желаніемъ*, совершенно такъ, какъ у Елены. Мы тоже рады сдѣлать и доброе дѣло, когда оно заключаетъ въ себѣ только положительную сторону, т. е. не требуетъ никакой борьбы, не предполагаетъ никакого сторонняго противодѣйствія. Мы подадимъ милостыню, сдѣлаемъ благотворительный спектакль, пожертвуемъ даже частью своего достоянія въ случаѣ нужды, но только чтобы этимъ дѣло и ограничилось, чтобы намъ не пришлось хлопотать и бороться съ разными непріятностями изъ-за какого нибудь бѣднаго или обиженнаго. „Желаніе дѣятельнаго добра“ есть въ насъ, и силы есть; но боязнь, неувѣренность въ своихъ силахъ и наконецъ незнаніе: что дѣлать?—

постоянно насъ останавливаютъ, и мы, сами не зная, какъ — вдругъ оказываемся въ сторонѣ отъ общественной жизни, холодными и чуждыми ея интересамъ, точь-въ-точь какъ Елена въ окружающей ее средѣ. Между тѣмъ *желаніе* попрежнему кипитъ въ груди (говоримъ о тѣхъ, кто не старается искусственно заглушить это желаніе), и мы все ищемъ, жаждемъ, ждемъ... ждемъ, чтобы намъ хоть кто нибудь объяснилъ, что дѣлать. Съ болью недоумѣнія, почти съ отчаяніемъ пишетъ Елена въ своемъ дневникѣ: „О, если бы кто нибудь мнѣ сказалъ: вотъ что ты должна дѣлать! Быть доброю—этого мало; дѣлать добро... да, это главное въ жизни". *Но какъ дѣлать добро?* Кто изъ людей нашего общества, сознающихъ въ себѣ живое сердце, мучительно не задавалъ себѣ этого вопроса? Кто не признавалъ жалкими и ничтожными всѣ тѣ формы дѣятельности, въ которыхъ проявлялось, по мѣрѣ силъ, его желаніе добра? Кто не чувствовалъ что есть что-то другое, высшее, что мы даже и могли бы сдѣлать, да не знаемъ, какъ приняться надобно... И гдѣ же разрѣшеніе сомнѣній? Мы томительно, жадно ищемъ его въ свѣтлыя минуты своего существованія, и нигдѣ не находимъ. Все окружающее, кажется намъ, или томится тѣмъ же недоумѣніемъ, какъ и мы, или загубило въ себѣ человѣческій образъ и сузило себя до преслѣдованія только своихъ мелкихъ, эгоистическихъ, животныхъ интересовъ. И такъ день изо дня проходитъ жизнь, пока она не умерла въ сердцѣ чело-

вѣка, и день изо дня ждетъ живой человѣкъ: не будетъ ли завтра лучше, не разрѣшится ли завтра сомнѣнье, не явится ли завтра тотъ, кто скажетъ намъ, какъ дѣлать добро...

Эта тоска ожиданія давно уже томитъ русское общество, и сколько разъ уже ошибались мы, подобно Еленѣ, думая, что жданный явился, и потомъ охладѣвали. Она страстно привязалась-было къ Аннѣ Васильевнѣ; но Анна Васильевна оказалась ничтожною, безхарактерною... Почувствовала-было расположеніе къ Шубину, какъ наше общество одно время увлекалось художественностью; но въ Шубинѣ не оказалось дѣльнаго содержанія, одни блестки и капризы; а Еленѣ не до того было, чтобы, посреди ея исканій, любоваться игрушками. Увлекаясь на минуту серьезною наукою въ лицѣ Берсенева; но серьезная наука оказалась скромною, сомнѣвающеюся, выжидающею перваго нумера, чтобы пойти за нимъ. А Еленѣ именно нужно было, чтобы явился человѣкъ, не нумерованный и не выжидающій себѣ назначенія, а самостоятельно и неодолимо стремящійся къ своей цѣли и увлекающій къ ней другихъ. Такимъ-то наконецъ явился передъ нею Инсаровъ, и въ немъ-то нашла она осуществленіе своего идеала, въ немъ-то увидѣла возможность отвѣта на вопросъ: какъ ей дѣдать добро.

Но почему же Инсаровъ не могъ быть Русскимъ? Вѣдь онъ въ повѣсти не дѣйствуетъ, а только собирается на дѣло; это и Русскій можетъ. Характеръ его тоже возможенъ и въ

русской кожѣ; особенно въ такихъ проявленіяхъ. Онъ любитъ сильно и рѣшительно; но неужели невозможно и это для русскаго человѣка?

Все это такъ, и все-таки сочувствіе Елены, такой дѣвушки, какъ мы ее понимаемъ, не могло обратиться на русскаго человѣка съ тѣмъ правомъ, съ той естественностью, какъ обратилось оно на этого Болгара. Все обаяніе Инсарова заключается въ величіи и святости той идеи, которой проникнуто все его существо. Елена, жаждущая дѣятельнаго добра, но не знающая, какъ его дѣлать, мгновенно и глубоко поражается, еще не видавши Инсарова, разсказомъ о его замыслахъ. „Освободить свою родину,—говоритъ она:—эти слова и выговорить страшно—такъ они велики!“ И она чувствуетъ, что слово ея сердца найдено, что она удовлетворена, что выше этой цѣли нельзя поставить себѣ и что на всю ея жизнь, на всю ея будущность достанетъ дѣятельнаго содержанія, если только она пойдетъ за этимъ человѣкомъ. И она старается всмотрѣться въ него, ей хочется проникнуть въ его душу, раздѣлить его мечты, войти въ подробности его плановъ. А въ немъ только и есть постоянная слитая въ немъ эта ясность и опредѣленность стремленій, спокойствіе и твердость, души, могучесть самаго замысла, и она скоро сама дѣлается эхомъ той идеи, которая его одушевляетъ. „Когда онъ говоритъ о своей родинѣ,—пишетъ въ своемъ она дневникѣ:—онъ ростетъ, ростетъ, и лицо его хорошѣетъ, и

голосъ, какъ сталь, и нѣтъ, кажется, тогда на свѣтѣ такого человѣка, предъ кѣмъ бы онъ глаза опустилъ. И онъ не только говоритъ, онъ дѣлаетъ и будетъ дѣлать. Я его разспрошу..." Черезъ нѣсколько дней она опять пишетъ: „а вѣдь странно однако, что я до сихъ поръ, до двадцати лѣтъ, никого не любила! Мнѣ кажется, что у Д: (буду называть его Д., мнѣ нравится это имя: Дмитрій) оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Изъ чего ему волноваться? Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ. Не *я* хочу; *то* хочетъ". И понявши это, она сама хочетъ слиться съ нимъ такъ, чтобы уже *не она* хотѣла, а *онъ*, и *то*, что его одушевляетъ. И мы очень хорошо понимаемъ ея положеніе; увѣрены, что и все русское общество, хотя еще и не увлечется, подобно ей, личностью Инсарова, но пойметъ возможность и естественность чувства Елены.

Мы говоримъ: общество не увлечется само, и основываемъ это предположеніе на томъ что *этотъ*. Инсаровъ все еще намъ чужой человѣкъ, Самъ г. Тургеневъ, столь хорошо изучившій лучшую часть нашего общества, не нашелъ возможности сдѣлать его *нашимъ*. Мало того, что онъ вывезъ его изъ Болгаріи, онъ недостаточно приблизилъ къ намъ этого героя даже просто какъ человѣка. Въ этомъ, если хотите смотрѣть даже на литературную сторону, главный художественный недостатокъ повѣсти. Мы понимаемъ одну изъ важныхъ причинъ его,

независящихъ отъ автора, и потому не дѣлаемъ упрека г. Тургеневу. Но тѣмъ не менѣе блѣдность очертаній Инсарова отражается на самомъ впечатлѣніи, производимомъ повѣстью. Величіе и красота идей Инсарова не выставляются предъ нами съ такою силою, чтобы мы сами прониклись ими и въ гордомъ одушевленіи воскликнули: идемъ за тобою. А между тѣмъ идея эта такъ свята, такъ возвышена... Гораздо менѣе человѣчныя, даже просто фальшивыя идеи, горячо проведенныя въ художественныхъ образахъ, производили лихорадочное дѣйствіе на общество; Карлы-Мооры, Вертеры, Печорины вызывали толпу подражателей. Инсаровъ ихъ не вызоветъ. Правда, что и мудрено было ему выказаться вполнѣ съ своей идеей, живя въ Москвѣ и ничего не дѣлая; вѣдь не въ реторическихъ же разглагольствованіяхъ упражняться. Но мы изъ повѣсти мало узнаемъ его и какъ человѣка; его внутренній міръ недоступенъ намъ; для насъ закрыто, что онъ дѣлаетъ, что думаетъ, чего надѣется, какія испытываетъ перемѣны въ своихъ отношеніяхъ, какъ смотритъ на ходъ событій, на жизнь, несущуюся передъ его глазами. Даже любовь его къ Еленѣ остается для насъ не вполнѣ раскрытою. Мы знаемъ, что онъ полюбилъ ее страстно; но какъ это чувство вошло въ него, что въ ней привлекло его, на какой степени было это чувство, когда онъ его замѣтилъ и рѣшился-было удалиться,—всѣ эти внутреннія подробности и многія другія, которыя такъ тонко,

такъ поэтически умѣетъ рисовать г. Тургеневъ, остаются темными въ личности Инсарова. Какъ живой образъ, какъ лицо дѣйствительное, Инсаровъ отъ насъ еще далекъ. Елена могла полюбить его со всей силой души своей, потому что она видѣла его въ жизни, а не въ повѣсти; для насъ же онъ близокъ и дорогъ только какъ представитель идеи, которая поражаетъ и насъ, какъ Елену, мгновеннымъ свѣтомъ и озаряетъ мракъ нашего существованія. Поэтому-то мы и понимаемъ всю естественность чувства Елены къ Инсарову, поэтому-то и сами, довольные его непреклонною вѣрностью идеѣ; не замѣчаемъ, на первый разъ, что онъ обозначается передъ нами лишь въ блѣдныхъ и общихъ очертаніяхъ.

И еще хотятъ, чтобъ онъ былъ Русскимъ! „Нѣтъ, онъ не могъ бы быть Русскимъ“,— восклицаетъ сама Елена, въ отвѣтъ ва явившееся-было сожалѣніе, что онъ не Русскій. И дѣйствительно, такихъ Русскихъ не бываетъ, не должно и не можетъ быть, въ настоящее время по крайней мѣрѣ. Не знаемъ, какъ развиваются и разовьются, новыя поколѣнія, но тѣ, которыя мы видимъ теперь дѣйствующими, развивались вовсе не такъ, чтобы могли уподобиться Инсарову. На развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія, но и вся общественная атмосфера, въ которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая—мирныя наклонности; иная раздражаетъ, другая убаюкиваетъ. Русская жизнь сложилась такъ

хорошо, что въ ней все вызываетъ на спокойный и мирный сонъ, и всякій безсонный человѣкъ кажется, не безъ основанія, безпокойнымъ и совершенно лишнимъ для общества. Сравните, въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства, при которыхъ начинается и проходитъ жизнь Инсарова, съ обстоятельствами, встрѣчающими жизнь каждаго Русскаго человѣка.

Болгарія порабощена, она страдаетъ подъ турецкимъ игомъ. Мы, слава Богу, никѣмъ не порабощены, мы свободны, мы—великій народъ, не разъ рѣшавшій своимъ оружіемъ судьбы царствъ и народовъ; *мы* владѣемъ другими, а нами никто не владѣетъ...

Въ Болгаріи нѣтъ общественныхъ правъ и гарантій. Инсаровъ говоритъ Еленѣ: „если бъ вы знали, какой нашъ край благодатный. А между тѣмъ его топчутъ, его терзаютъ; у насъ все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли; какъ стадо гоняютъ насъ поганые Турки; насъ рѣжутъ..." Россія, напротивъ того, государство благоустроенное: въ ней существуютъ мудрые законы, охраняющіе права гражданъ и опредѣляющіе ихъ обязанности, въ ней царствуетъ правосудіе, процвѣтаетъ благодѣтельная гласность. Церквей ни у кого не отнимаютъ, и вѣры не стѣсняютъ рѣшительно ничѣмъ, а напротивъ, поощряютъ ревность проповѣдниковъ въ обличеніи заблудшихъ; правъ и земель не только не отнимаютъ, но еще даруютъ ихъ тѣмъ, кто не имѣлъ доселѣ; въ видѣ стада никого не гоняютъ.

— Въ Болгаріи,—говоритъ Инсаровъ,—по-

слѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я—мы желаемъ одного и того же; у всѣхъ одна цѣль". Такой монотонности вовсе нѣтъ въ русской жизни, въ которой каждое сословіе, даже каждый кружокъ живутъ своею отдѣльною жизнію, имѣютъ свои особыя цѣли и стремленія, свое установленное назначеніе. При существующемъ у насъ благоустройствѣ общественномъ, каждому остается только упрочивать собственное благосостояніе, для чего вовсе не нужно соединяться съ цѣлой націей въ одной общей идеѣ, какъ это происходитъ въ Болгаріи.

Инсаровъ былъ еще младенцемъ, когда турецкій ага похитилъ его мать и потомъ зарѣзалъ, а отецъ его былъ разстрѣлянъ за то, что, желая отомстить агѣ, поразилъ его кинжаломъ. Когда и кого изъ русскихъ людей могли встрѣтить въ жизни подобныя впечатлѣнія? Слыхано ли что нибудь подобное въ русской землѣ? Конечно, уголовныя преступленія вездѣ возможны; но у насъ, если бы какой нибудь *ага* и похитилъ, и убилъ или уморилъ потомъ чужую жену, такъ мужа и до отмщенія бы не допустили, ибо у насъ есть законы, для всѣхъ равные и нелицепріятно наказывающіе преступленіе.

Словомъ, Инсаровъ съ молокомъ матери всасываетъ ненависть къ поработителямъ, недовольство настоящимъ порядкомъ вещей. Ему не нужно напрягать себя, не нужно доходить долгимъ рядомъ силлогизмовъ до того, чтобы опредѣлить направленіе своей дѣятельности. Какъ скоро онъ не лѣнивъ и не трусъ, онъ

уже знаетъ, что ему дѣлать и какъ вести себя; разбрасываться ему некуда. Да и задача-то у него *удобопонятная*, какъ говоритъ Шубинъ: „стоитъ только Турокъ вытурить — велика штука!“ И Инсаровъ знаетъ, притомъ, что онъ правъ въ своей дѣятельности, не только предъ собственною совѣстью, но и предъ людскимъ судомъ: его замыслы найдутъ сочувствіе во всякомъ порядочномъ человѣкѣ. Представьте же теперь что-нибудь подобное въ русскомъ обществѣ: неудобопредставимо!.. Въ русскомъ переводѣ Инсаровъ выйдетъ не что иное, какъ разбойникъ, представитель „противообщественнаго элемента“, о которомъ русская публика знаетъ очень хорошо изъ краснорѣчивыхъ изслѣдованій г. Соловьева, сообщенныхъ „Русскимъ Вѣстникомъ“. Кто же, спрашивается, можетъ полюбить такого? Какая благовоспитанная и умная дѣвушка не побѣжитъ отъ него, что есть мочи, съ крикомъ: quelle horreur!!

Понятно ли теперь, почему не можетъ быть Русскій на мѣстѣ Инсарова? Натуры, подобныя ему, родятся, конечно, и въ Россіи въ немаломъ количествѣ, но онѣ не могутъ такъ безпрепятственно развиться и такъ беззастѣнчиво проявлять себя, какъ Инсаровъ. Русскій современный Инсаровъ всегда останется робкимъ, двойственнымъ, будетъ таиться, выражаться съ разными прикрытіями и экивоками... а это-то и уменьшаетъ довѣріе къ нему. Выйдетъ пожалуй даже иной разъ, что онъ лжетъ и противорѣчитъ себѣ; а извѣстно, что люди лгутъ обыкновенно либо изъ выгодъ, либо изъ

трусости. Какое же сочувствіе можно питать къ корыстолюбцу я трусу, особено, когда душа томится жаждою дѣла и ищетъ мощной головы и руки, которая бы повела ее?

Бываютъ, правда, и у насъ небольшіе герои, нѣсколько похожіе на Инсарова отвагою и сочувствіемъ къ угнетеннымъ. Но они въ нашей средѣ являются смѣшными Донъ-Кихотами. Отличительная черта Донъ-Кихота—непониманіе ни того, за что онъ берется, ни того, что выйдетъ изъ его усилій, — удивительно ярко выступаетъ въ нихъ. Они, напримѣръ, вдругъ вообразятъ, что надо спасать крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ; и знать того не хотятъ, что никакого произвола тутъ нѣтъ, что права помѣщиковъ строго опредѣлены закономъ и должны быть неприкосновенны, пока законы эти существуютъ, и что возстановить крестьянъ собственно противъ этого произвола значитъ, не избавивши ихъ отъ помѣщика, подвергнуть еще наказанію по закону. Или, напр., зададутъ себѣ работу: спасать невинныхъ отъ судебной неправды, — какъ будто-бы у насъ судьи по своему произволу такъ и дѣлаютъ, что хотятъ. Дѣла у насъ всѣ, какъ извѣстно вершатся по закону, а чтобы растолковать законъ такъ или иначе,—на это не геройство нужно, а привычка къ судейскимъ изворотамъ. Вотъ Донъ-Кихоты наши и возятся попусту... А то выдумаютъ вдругъ—взятки искоренять.—И ужъ какая тутъ мука пойдетъ бѣднымъ чиновникамъ, берущимъ гривенникъ за какую нибудь справку! Со свѣту сгонятъ ихъ наши

герои, принимающіе на себя защиту страждущихъ. Оно, конечно, благородно и высоко: да можно ли сочувствовать этимъ неразумнымъ людямъ? И вѣдь мы еще говоримъ не о тѣхъ холодныхъ служителяхъ долга, которые поступаютъ такимъ образомъ просто по обязанности службы: мы имѣемъ въ виду русскихъ людей дѣйствительно, искренно сочувствующихъ угнетеннымъ и готовыхъ даже на борьбу для ихъ защиты. И эти-то выходятъ безполезны и смѣшны, потому что не понимаютъ общаго значенія той среды, въ которой дѣйствуютъ. Да и какъ имъ понять, когда они сами-то въ ней находятся, когда верхушки ихъ тянутся вверхъ, а корень всетаки прикрѣпленъ къ той же почвѣ? Они хотятъ прогнать горе ближнихъ а оно зависитъ отъ устройства той среды, въ которой живутъ и горюющіе, и предполагаемые утѣшители. Какъ же тутъ быть? Всю эту среду перевернуть, — такъ надо будетъ повернуть и себя; а подите-ко, сядьте въ пустой ящикъ да и попробуйте его перевернуть вмѣстѣ съ собой. Какихъ усилій это потребуетъ отъ васъ! — между тѣмъ какъ, подойдя со стороны, вы однимъ толчкомъ могли бы справиться съ этимъ ящикомъ. Инсаровъ именно тѣмъ и беретъ, что не сидитъ въ ящикѣ: притѣснители его отечества — Турки, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго; ему стоитъ только подойти да и толкнуть ихъ, насколько силы хватитъ. Русскій же герой, являющійся обыкновенно изъ образованнаго общества, самъ кровно связанъ съ тѣмъ, на что долженъ возставать. Онъ на-

ходится въ такомъ, положеніи, въ какомъ былъ бы, напр., одинъ изъ сыновей турецкаго аги, вздумавшій освобождать Болгарію отъ Турокъ. Трудно даже предположить такое явленіе; но если бы оно случилось, то, чтобы сынъ этотъ не представлялся намъ глупымъ и забавнымъ малымъ, нужно, чтобы онъ отрекся ужъ отъ всего, что его связывало съ Турками,—и отъ вѣры, и отъ національности, и отъ круга родныхъ и друзей, и отъ житейскихъ выгодъ своего положенія. Нельзя не согласиться, что это ужасно трудно и что подобная рѣшительность требуетъ нѣсколько другого развитія, нежели какое обыкновенно получаетъ сынъ турецкаго аги. Не много легче дается геройство и русскому человѣку. Вотъ отчего у насъ симпатичныя, энергическія натуры и удовлетворяютъ себя мелкими и ненужными бравадами, не достигая до настоящаго, серьезнаго героизма, т. е. до отреченія отъ цѣлой массы понятій и практическихъ отношеній, которыми они связаны съ общественной средою. Робость ихъ предъ громадою противныхъ силъ отражается даже на теоретическомъ ихъ развитіи; они боятся или не умѣютъ доходить до корня и, задумывая, напр., карать зло, только и бросаются на какое нибудь мелкое проявленіе его и утомляются страшно, прежде чѣмъ успѣютъ даже подумать объ его источникѣ. Не хочется имъ поднять руки на то дерево, на которомъ и они сами выросли; вотъ они и стараются увѣрить себя и другихъ, что вся гниль его только снаружи, что только счистить

ее стоитъ, и все будетъ благополучно. Выгнать изъ службы нѣсколько взяточниковъ, наложить опеку на нѣсколько помѣщичьихъ имѣній, обличить цѣловальника, въ одномъ кабакѣ продавшаго дурного качества водку,—вотъ и воцарится привосудіе, крестьяне во всей Россіи будутъ благоденствовать, и откупа сдѣлаются превосходною вещью для народа. Такъ искренно думаютъ многіе и дѣйствительно тратятъ всѣ свои силы на подобные подвиги, и за то не шутя считаютъ себя героями.

Намъ разсказывали объ одномъ подобномъ героѣ, человѣкѣ, какъ говорили чрезвычайно нергичномъ и талантливомъ. Еще будучи въ гимназіи, онъ затѣялъ дѣло съ однимъ гувернеромъ, по тому поводу, что онъ утаиваетъ бумагу, назначаемую для выдачи воспитанникамъ. Дѣло пошло какъ-то неловко: герой нашъ умѣлъ задѣть и инспектора, и директора, и былъ исключенъ изъ гимназіи. Сталъ онъ готовиться въ университетъ, а между тѣмъ принялся давать уроки. При одномъ изъ первыхъ же уроковъ онъ замѣтилъ, что мать дѣтей, которыхъ онъ училъ, ударила по щекѣ свою горничную. Онъ вспыхнулъ, поднялъ въ домѣ гвалтъ, привелъ полицію и формально обвинилъ хозяйку дома въ жестокомъ обращеніи съ прислугой. Потянулось слѣдствіе, въ которомъ онъ ничего, разумѣется, не могъ доказать, и его чуть не притудили къ строгому наказанію за ложное показаніе и клевету. Уроковъ послѣ этого онъ ужъ не могъ достать. Опредѣлился, съ боль-

шимъ трудомъ, по чьей-то особенной милости на службу: дали ему переписать какое-то рѣшеніе очень нелѣпаго свойства: онъ не вытерпѣлъ и заспорилъ; ему сказали, чтобъ молчалъ, — онъ не послушался; ему велѣли убираться вонъ. Отъ нечего дѣлать, принялъ онъ приглашеніе одного изъ своихъ бывшихъ товарищей—ѣхать съ нимъ на лѣто въ деревню; пріѣхалъ, увидалъ, что тамъ дѣлается, да и принялся толковать—и своему товарищу, и отцу его, и даже бурмистру, и мужикамъ—о томъ какъ беззаконно больше трехъ дней на барщину крестьянъ гонять, какъ непозволительно сѣчь ихъ безъ всякаго суда и расправы, какъ безчестно таскать по ночамъ крестьянскихъ женщинъ въ барскій домъ, и т. п. Кончилось тѣмъ, что мужиковъ, которые его съ участіемъ послушали, перепороли, а ему старый баринъ велѣлъ запречь лошадей и попросилъ его не являться больше въ ихъ краяхъ, если хочетъ цѣлъ остаться. Кое какъ переколотившись лѣто, герой нашъ къ осени поступилъ въ университетъ, благодаря тому, что на экзаменѣ попадались ему все вопросы не задорные, на которыхъ нельзя было разгуляться и заспорить. Поступилъ онъ на медицинскій факультетъ и занимался дѣйствительно хорошо; но въ практическомъ курсѣ, когда профессоръ у кровати больного объяснялъ свою премудрость, онъ никогда не могъ удержаться, чтобъ не *оборвать* отсталаго или шарлатанящаго профессора: какъ только тотъ совретъ что нибудь, такъ онъ и пойдетъ ему доказывать, что это чепуха. Вслѣд-

ствіе такихъ выходокъ, герой нашъ не оставленъ при университетѣ, не посланъ за границу, а назначенъ въ какой-то отдаленный госпиталь. Здѣсь онъ на первыхъ же порахъ уличилъ смотрителя и грозилъ на него жаловаться; потомъ въ другой разъ поймалъ и пожаловался, за что получилъ выговоръ отъ главнаго доктора; получая выговоръ, онъ конечно очень крупно поговорилъ и вскорѣ былъ переведенъ изъ госпиталя... Досталось ему вслѣдъ затѣмъ провожать какую-то партію; онъ принялся шумѣть за солдатъ съ начальникомъ партіи и съ чиновникомъ, завѣдывавшимъ продовольствіемъ, Видя, что слова не помогаютъ написалъ рапортъ, что солдаты не доѣдаютъ и не допиваютъ по милости чиновника и что начальникъ партіи этому потакаетъ. По прибытіи на мѣсто—слѣдствіе; допрашиваютъ солдатъ, тѣ говорятъ: довольны; герой нашъ приходитъ въ негодованіе, говоритъ дерзости генералъ-штабъ-доктору, я мѣсяцъ спустя разжилывается въ фельдшерскіе помощники. Пробывши двѣ недѣли въ этой должности и не выдержавъ нарочно-звѣрскаго обращенія съ нимъ, онъ застрѣливается.

Не правда ли, — явленіе необыкновенное, сильная, порывистая натура? А между тѣмъ посмотрите, на чемъ гибнетъ онъ. Во всѣхъ его поступкахъ нѣтъ ничего такого, что бы не составляло прямой обязанности всякаго честнаго человѣка на его мѣстѣ; а ему нужно однако много героизма, чтобъ поступать такимъ образомъ, нужна самоотверженная рѣ-

шимость гибнутъ за добро. Спрашивается теперь: если ужъ въ немъ есть эта рѣшимость, то не лучше ли воспользоваться ею для дѣла большого, которымъ бы дѣйствительно достигалось что-нибудь существенно-полезное? Но въ томъ-то и бѣда, что онъ не сознаетъ надобности и возможности такого дѣла и не понимаетъ того, что его окружаетъ. Онъ не хочетъ видѣть круговой поруки во всемъ, что дѣлается передъ его глазами, и воображаетъ что всякое, замѣченное имъ зло, есть не болѣе какъ рѣдкое исключеніе. При такихъ понятіяхъ русскіе герои только и могутъ, разумѣется, ограничиваться мизерными частностями не думая объ обществѣ, тогда какъ Инсаровъ напротивъ, частное всегда подчиняетъ общему, въ увѣренности, что „и то не уйдетъ". Такъ въ отвѣтъ на вопросъ Елены, отомстилъ ли онъ убійцѣ своего отца, Инсаровъ говоритъ: „Я не искалъ его. Я не искалъ его не потому, чтобы я не могъ убить его,—я бы очень спокойно убилъ его,—но потому, что тутъ не до частной мести, когда дѣло идетъ объ освобожденіи народа. Одно помѣшало бы другому. Въ свое время и то не уйдетъ". Вотъ въ этой любви къ общему дѣлу, въ этомъ предчувствіи его, которое даетъ силу спокойно выдерживать отдѣльныя обиды, и заключается великое превосходство Болгара Инсарова предъ всѣми русскими героями, у которыхъ общаго дѣла-то и въ поминѣ нѣтъ.

Впрочемъ и подобныхъ-то героевъ у насъ очень немного, да и изъ нихъ большая часть

не выдерживаетъ себя до конца. Гораздо многочисленнѣе въ нашемъ образованномъ обществѣ другой разрядъ людей — занимающихся размышленіями. Изъ этихъ тоже есть много такихъ, которые хоть и размышляютъ, но ничего не умѣютъ понять; но объ этихъ мы не говоримъ. Мы хотимъ указать только на тѣхъ, дѣйствительно съ свѣтлою головою людей, которые путемъ долгихъ сомнѣній и исканій дошли до того же единства и ясности идеи, съ какими является передъ нами, безъ всякихъ особенныхъ усилій, Инсаровъ. Эти люди понимаютъ, гдѣ корень зла, и знаютъ, что надо дѣлать, чтобы зло прекратить; они глубоко и искренно проникнуты мыслью, до которой добились наконецъ. Но—въ нихъ нѣтъ уже силы для практической дѣятельности; они столько ломали себя, что натура ихъ какъ-то надсѣлась и обезсилѣла. Они съ сочувствіемъ смотрятъ на приближеніе новой жизни, но сами идти ей навстрѣчу не могутъ, и ими не можетъ удовлетвориться свѣжее чувство человѣка, жаждущаго дѣятельнаго добра и ищущаго себѣ руководителя.

Никто изъ насъ не беретъ готовыми человѣчныхъ понятій, во имя которыхъ нужно потомъ вести жизненную борьбу. Оттого ни въ комъ и нѣтъ той ясности, той цѣльности воззрѣній и дѣйствій, которыя такъ естественны, хоть бы напр., въ Инсаровѣ. У него впечатлѣнія жизни, дѣйствующія на сердце и пробуждающія его энергію, постоянно подкрѣпляются требованіями разсудка, теоретическимъ образо-

ваніемъ, которое онъ получаетъ. У насъ совершенно наоборотъ. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ держащійся передовыхъ мнѣній и сгорающій тоже жаждою дѣятельнаго добра, но человѣкъ кротчайшій и безвреднѣйшій въ мірѣ, вотъ что разсказывалъ намъ о своемъ развитіи, въ объясненіе своей теперешней бездѣятельности.

„По натурѣ своей,—говорилъ онъ,—я былъ мальчикъ очень добрый и впечатлительный. Я бывало плакалъ и метался, слушая разсказъ о какомъ нибудь несчастіи, я страдалъ при видѣ чужого страданія. Помню, что я не спалъ ночи, терялъ аппетитъ и не могъ ничего дѣлать, когда кто нибудь въ домѣ былъ боленъ; помню, что не разъ приходилъ я въ нѣкотораго рода бѣшенство, при видѣ истязаній, какія чинилъ одинъ мой родственникъ надъ своимъ сыномъ, моимъ пріятелемъ. Все, что я видѣлъ, все, что слышалъ, развивало во мнѣ тяжелое чувство недовольства; въ душѣ моей рано началъ шевелиться вопросъ: да отчего же все такъ страдаетъ и неужели нѣтъ средства помочь этому горю, которое, кажется, всѣхъ одолѣло? Я жадно искалъ отвѣта на эти вопросы, и скоро мнѣ дали отвѣтъ, разумный и систематическій. Я началъ учиться. Первая пропись, которую я написалъ, была такова: „истинное счастіе заключается въ спокойствіи совѣсти“. На разспросы мои о совѣсти, мнѣ объяснили, что она караетъ насъ за дурные поступки и награждаетъ за хорошіе. Все мое вниманіе устремилось теперь на то, чтобы

узнать, какіе поступки хороши, какіе дурны. Это было не трудно: кодексъ нравственности былъ готовъ—и въ прописяхъ, и въ домашнихъ наставленіяхъ, и въ особомъ курсѣ. „Почитай старшихъ“, „Не надѣйся на свои силы, ибо ты—ничто“, „Будь доволенъ тѣмъ, что имѣешь, и не жалѣй большаго“, „Терпѣніемъ и покорностью пріобрѣтается любовь общая“, и пр. въ такомъ родѣ писалъ я въ прописяхъ. Дома и отъ всѣхъ окружающихъ слышалъ я то же самое; а въ разныхъ курсахъ узналъ я, что совершеннаго счастья на землѣ не можетъ быть, но что насколько оно возможно, настолько достигнуто въ благоустроенныхъ государствахъ, изъ которыхъ наилучшее есть мое отечество. Я узналъ, что Россія теперь не только велика и обильна, но что и порядокъ въ ней господствуетъ самый совершенный; что стоитъ только исполнять законы и приказанія старшихъ, да быть умѣреннымъ, и тогда полнѣйшее благополучіе ожидаетъ человѣка, такого бы онъ ни былъ званія и состоянія. Отрадны мнѣ были всѣ эти открытія, и я жадно ухватился за нихъ, какъ за лучшее рѣшеніе всѣхъ моихъ сомнѣній. Вздумалъ было я повѣрять ихъ моимъ неопытнымъ умомъ, но многое пришлось мнѣ не подъ силу, а что оказывалось доступнымъ, то выходило такъ, вѣрно. И вотъ, я довѣрчиво и восторженно предался новооткрытой системѣ, въ ней заключилъ всѣ свои стремленія и лѣтъ двѣнадцати былъ уже маленькимъ философомъ и страшнымъ партизаномъ законности. Я дошелъ до того убѣ-

жденія, что во всякомъ несчастіи виноватъ самъ человѣкъ, или тѣмъ, что не поберегся, не остерегся, или тѣмъ, что не хотѣлъ довольствоваться малымъ, или тѣмъ, что не проникнутъ достаточнымъ уваженіемъ къ закону и къ волѣ старшихъ. Собственно законъ я еще не совсѣмъ хорошо представлялъ себѣ, но онъ олицетворялся для меня во всякомъ начальствѣ и старшинствѣ. Оттого въ этотъ періодъ моей жизни я постоянно стоялъ за учителей, начальниковъ и т. д. и былъ очень любимъ начальствомъ и старшими классами. Разъ меня чуть не выкинули въ окно товарищи: одинъ учитель сказалъ цѣлому классу: „свиньи вы!"; всѣ пришли въ азартъ по окончаніи класса, а я принялся защищать учителя и доказывать, что онъ имѣлъ полное право сказать это. Въ другой разъ исключенъ былъ одинъ изъ нашихъ товарищей за грубость начальству; всѣ жалѣли о немъ, потому что онъ былъ лучшій между нами, но я утверждалъ, что онъ наказаніе вполнѣ заслужилъ, и очень удивлялся, какъ онъ, будучи такимъ умнымъ мальчикомъ, не могъ понять, что покорность старшимъ, есть первый долгъ нашъ и первое условіе счастья. Такъ съ каждымъ днемъ укрѣплялся я въ своихъ понятіяхъ законности и мало по малу привыкалъ смотрѣть на большинство людей только какъ на орудіе исполненія высшихъ приказаній. Я порывалъ такимъ образомъ живую связь съ душою человѣка, я пересталъ тревожиться бѣдствіями своихъ собратій, пересталъ отыскивать возможность об-

легчить ихъ. „Сами виноваты“, говорилъ я про себя и сталъ даже питать къ нимъ не то злобу, не то презрѣніе, какъ къ людямъ, не умѣющимъ пользоваться спокойно и мирно тѣми благами, которыя имъ предлагаются по силѣ общественнаго благоустройства. Все, что было добраго въ моей натурѣ, обратилось въ другую сторону—къ поддержанію правъ старшихъ надъ нами. Я чувствовалъ, что въ этомъ заключается самоотверженіе, отреченіе отъ собственной самостоятельности, убѣжденъ былъ, что дѣлаю это въ видахъ общей пользы, и считалъ себя чуть не героемъ. Я знаю, что многіе такъ и остаются на этой степени, а другіе ее видоизмѣняютъ слегка и увѣряютъ, что они совсѣмъ перемѣнились. Но мнѣ, къ счастію, дѣйствительно пришлось перемѣнить свое направленіе довольно рано. Лѣтъ четырнадцати я самъ имѣлъ уже старшинство кое надъ чѣмъ и въ классѣ, и въ домѣ, и, разумѣется, оказался при этомъ очень плохъ. Я умѣлъ дѣлать все, что отъ меня требовали, но что и какъ мнѣ требовать—этого я не зналъ. При всемъ томъ я былъ суровъ и неподступенъ. Но скоро мнѣ стало совѣстно, и я принялся повѣрять свои прежнія понятія о начальствѣ. Поводомъ къ этому былъ одинъ случай, пробудившій опять живыя ощущенія въ моемъ мертвѣвшемъ сердцѣ. Какъ старшій братъ и умница, я училъ между прочимъ одну изъ сестеръ моихъ. Мнѣ дано было право присуждать ей наказанія за лѣнность, ослушаніе и пр. Разъ она что-то была разсѣяна и никакъ не хотѣла

понять моихъ толкованій; я велѣлъ ей стать на колѣни. Она тотчасъ собралась съ мыслями и, принявши внимательный видъ, стала просить чтобъ я повторилъ еще разъ свои слова. Но я потребовалъ, чтобъ она прежде исполнила приказаніе—стала на колѣни; она заупрямилась. Тогда я схватилъ ее за руки, поднялъ съ мѣста, потомъ доложилъ ей свои локти на плечи и изо-всѣхъ силъ надавилъ внизъ. Бѣдная дѣвочка опустилась на колѣни и взвизгнула: у ней свихнулась нога при этомъ движеніи. Я очень испугался; но когда мать стала бранить меня за такое обхожденіе съ сестрой, я очень хладнокровно старался доказать, что она сама виновата, что еслибъ она тотчасъ послушалась моего приказанія, то ничего бы этого и не было. Однако же втайнѣ я мучился, тѣмъ болѣе, что сестру свою я очень любилъ. Въ это время выяснилась мнѣ мысль, что вѣдь и старшіе могутъ быть неправы и дѣлать нелѣпости, и что уважать нужно собственно законъ, какъ онъ есть, а не какъ проявленіе въ толкованіяхъ того или другого лица. Тутъ пошла у меня критика дѣйствій лицъ, и я изъ консервативной безсоотвѣтственности стремительно перескочилъ въ opposition lègale. Но долгое время я приписывалъ все дурное однимъ только частнымъ злоупотребленіямъ и нападалъ на нихъ—не во имя насущныхъ потребностей общества, не изъ состраданія къ несчастнымъ братьямъ, а просто во имя положительнаго закона. Въ то время я, конечно, съ жаромъ сталъ бы говорить противъ жестокаго обра-

щенія съ Неграми, но, подобно нѣкоему м-о сковскому публицисту, отъ всей души обвинилъ бы Брауна, совершенно противозаконно вздумавшаго освобождать Негровъ. Но я былъ еще тогда, очень молодъ (вѣроятно, моложе почтеннаго публициста), мысль моя двигалась и бродила; я не могъ остановиться на этомъ и, послѣ многихъ соображеній, дошелъ наконецъ до сознанія, что и законы могутъ быть несовершенны, что они имѣютъ относительное, временное и частное значеніе и должны подлежать перемѣнамъ съ теченіемъ времени и по требованіямъ обстоятельствъ. Но опять, во имя чего такъ разсуждалъ я? Во имя высшаго, отвлеченнаго закона справедливости, а вовсе не по внушенію живого чувства любви къ собратьямъ, вовсе не по сознанію тѣхъ прямыхъ, настоятельныхъ надобностей, которыя указываются идущею передъ нами жизнью. И что же? Вотъ я сдѣлалъ и послѣдній шагъ: отъ отвлеченнаго закона справедливости я перешелъ къ болѣе реальному требованію человѣческаго блага; я всѣ свои сомнѣнія и умствованія привелъ наконецъ къ одной формулѣ: человѣкъ и его счастье. Но вѣдь эта формула была въ душѣ моей еще въ дѣтствѣ, прежде чѣмъ я началъ обучаться разнымъ наукамъ и писать назидательныя прописи. И, сказать ли?—теперь я ее лучше понимаю и основательнѣе могу доказать; но тогда я чувствовалъ ее сильнѣе, она болѣе была связана съ моимъ существомъ и даже, кажется, я готовъ былъ тогда больше сдѣлать для нея, чѣмъ теперь. Я стараюсь

теперь не дѣлать ничего, противорѣчащаго сознанному мною закону, стараюсь не отнимать счастье у людей; но этой пассивной ролью я и ограничиваюсь. Броситься на поискъ счастья, приблизить его къ людямъ, разрушить все, что ему мѣшаетъ—это я могъ бы только тогда, если бы мои дѣтскія чувства и мечты безрепятственно развились и окрѣпли. А между тѣмъ они глохли и умирали во мнѣ лѣтъ пятнадцать, и только теперь я снова возвращаюсь къ нимъ и нахожу ихъ блѣдными, тощими, слабыми. Мнѣ еще нужно возстановлять ихъ, прежде чѣмъ употреблять въ дѣло; да и кто знаетъ, удастся ли возстановить?..."

Намъ кажется, что въ въ этомъ разсказѣ есть черты далеко не исключительныя, а напротивъ, могущія служить общимъ указаніемъ на тѣ препятствія, какія встрѣчаетъ русскій человѣкъ на пути самостоятельнаго развитія. Не всѣ съ одинаковою силою привязываются къ морали прописей, но никто не уходитъ отъ ея вліянія, и на всѣхъ она дѣйствуетъ парализующимъ образомъ. Чтобы избавиться отъ нея, человѣкъ долженъ много силъ потерять и много утратить вѣры въ себя при этой безпрерывной вознѣ съ безобразной путаницей сомнѣній, противорѣчій, уступокъ, изворотовъ и т. п.

Такимъ образомъ, кто сохранилъ у насъ силу на геройство, такъ тому незачѣмъ быть героемъ, цѣли настоящей онъ не видитъ, взяться за дѣло не умѣетъ и потому только донкихотствуетъ. А кто понимаетъ, что нужно

и какъ нужно, такъ тотъ ужъ всего себя на это пониманіе и положилъ, и въ практической дѣятельности шагу ступить не умѣетъ, и сторонится отъ всякаго вмѣшательства, какъ Елена въ домашней средѣ. Да еще Елена все-таки смѣлѣе и свободнѣе, потому что на нее подѣйствовала только общая атмосфера русской жизни, но, какъ мы сказали уже, не наложили своей печати рутина школьнаго образованія и дисциплины.

Выходитъ, что наши лучшіе люди, какихъ мы видали до сихъ поръ въ современномъ обществѣ, только что способны понять жажду дѣятельнаго добра, сжигающую Елену, и могутъ оказать ей сочувствіе, но никакъ не сумѣютъ удовлетворить этой жажды. А это еще передовые, это еще называются у насъ „дѣятели общественные". А то большая часть умныхъ и впечатлительныхъ людей бѣжитъ отъ гражданскихъ доблестей и посвящаетъ себя различнымъ музамъ. Хоть бы тѣ же Шубинъ и Берсеневъ въ „Наканунѣ": славныя натуры, и тотъ, и другой умѣютъ цѣнить Инсарова, даже стремятся душою вслѣдъ за нимъ; еслибъ имъ немножко другое развитіе, да другую среду, они бы тоже не стали спать. Но что же имъ дѣлать тутъ, въ этомъ обществѣ? Перестроить его на свой ладъ? Да ладу-то у нихъ нѣтъ никакого и силъ-то нѣтъ. Починивать въ немъ кое-что, отрѣзывать и отбрасывать понемножку разныя дрязги общественнаго устройства? Да не противно ли у мертваго зубы вырывать, и къ чему это пове-

детъ? На это способны только герои въ родѣ господъ Паншиныхъ и Курнатовскихъ.

Кстати—здѣсь можемъ мы сказать нѣсколько словъ о Курнатовскомъ, тоже одномъ изъ лучшихъ представителей русскаго образованнаго общества. Это новый видъ Паншина, только безъ свѣтскихъ и художественныхъ талантовъ, и болѣе дѣловой. Онъ очень честенъ и даже великодушенъ; въ доказательство его великодушія Стаховъ, прочащій его въ женихи Еленѣ, приводитъ фактъ, что онъ, какъ только достигъ возможности безбѣдно существовать своимъ жалованьемъ, тотчасъ отказался въ пользу братьевъ отъ ежегодной суммы, которую назначалъ ему отецъ. Вообще въ немъ много хорошаго: это признаетъ даже Елена, изображающая его въ письмѣ къ Инсарову. Вотъ ея сужденія, по которымъ однимъ только мы и можемъ впрочемъ составить понятіе о Курнатовскомъ: онъ въ ходѣ повѣсти не участвуетъ. Разсказъ Елены впрочемъ такъ полонъ и мѣтокъ, что больше намъ ничего и не нужно, и потому. вмѣсто перефраза, мы прямо приведемъ ея письмо къ Инсарову:

„Поздравь меня, милый Дмитрій, у меня женихъ. Онъ вчера у насъ обѣдалъ; папенька познакомился съ нимъ, кажется, въ англійскомъ клубѣ и пригласилъ его. Разумѣется, онъ пріѣзжалъ вчера не женихомъ. Но добрая мамаша, которой папенька сообщилъ свои надежды, шепнула мнѣ на ухо, что это за гость. Зовутъ его Егоръ Андреевичъ Курнатовскій: онъ служитъ оберъ-секретаремъ при сенатѣ. Опишу тебѣ сперва его наружность. Онъ небольшого роста, меньше тебя, хорошо сложенъ; черты у него правильны, онъ коротко остриженъ, носитъ большія бакенбарды. Глаза у него небольшіе (какъ

у тебя), каріе, быстрые, губы плоскія, широкія; на глазахъ и на губахъ постоянная улыбка, оффиціальная какая-то: точно она у него дежуритъ. Держится онъ очень просто, говоритъ отчетливо, и все у него отчетливо: онъ ходитъ, смѣется, ѣстъ, словно дѣло дѣлаетъ. „Какъ она его изучила!“ думаешь ты, можетъ быть, въ эту минуту. Да, для того, чтобъ описать тебѣ его. Да и какъ же не изучать своего жениха! Въ немъ есть что-то желѣзное... и тупое, и пустое, въ то же время— и честное; говорятъ, онъ, точно, очень честенъ. Ты у меня тоже желѣзный, да не такъ, какъ этотъ. За столомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня, противъ насъ сидѣлъ Шубинъ. Сперва рѣчь зашла о какихъ-то коммерческихъ предпріятіяхъ: говорятъ, онъ въ нихъ толкъ знаетъ и чуть было не бросилъ своей службы, чтобы взять въ руки большую фабрику. Вотъ не догадался! Потомъ Шубинъ заговорилъ о театрѣ: г-нъ Курнатовскій объявилъ, и, я должна сознаться, безъ ложной скромности, что онъ въ художествѣ ничего не смыслитъ. Это мнѣ тебя напомнило... но я подумала: нѣтъ, мы съ Дмитріемъ все-таки иначе не понимаемъ художества. Этотъ какъ будто хотѣлъ сказать: я не понимаю его, да оно и ненужно, но въ благоустроенномъ государствѣ допускается. Къ Петербургу и къ comme il faut онъ, впрочемъ, довольно равнодушенъ: онъ разъ даже назвалъ себя пролетаріемъ. Мы, говоритъ, чернорабочіе. Я подумала: если бы Дмитрій это сказалъ, мнѣ бы это не понравилось. А этотъ пускай себѣ говоритъ! Пусть хвастается! Со мной онъ былъ очень вѣжливъ; но мнѣ все казалось, что со мной бесѣдуетъ очень, очень снисходительный начальникъ. Когда онъ хочетъ похвалить кого, онъ говоритъ, что у такого-то *есть правила*— это его любимое слово. Онъ долженъ быть самоувѣренъ, трудолюбивъ, способенъ къ самопожертвованію (ты видишь: я безпристрастна), то есть къ пожертвованію своихъ выгодъ, но онъ большой деспотъ. Бѣда попасться ему въ руки! За столомъ говори и о взяткахъ.

„— Я понимаю,—сказалъ онъ,—что во многихъ случаяхъ берущій взятку не виноватъ: онъ иначе поступить не могъ. А все-таки, если онъ попался, должно его раздавить.

„Я вскрикнула.—Раздавить невиноватаго!

„— Да, ради принципа".

„- Какого"?—спросилъ Шубинъ. Курнатовскій не то смѣшался, не то удивился и сказалъ: Этого нечего объяснять.—Папаша, который, кажется, благоговѣетъ передъ нимъ, подхватилъ, что конечно нечего, и, къ досадѣ моей, разговоръ этотъ прекратился. Вечеромъ пришелъ Берсеневъ и вступилъ съ нимъ въ ужасный споръ. Никогда я еще не видала нашего добраго Андрея Петровича въ такомъ волненіи. Господинъ Курнатовскій вовсе не отрицалъ пользы науки, университетовъ и т. д. А между тѣмъ я понимала негодованіе Андрея Петровича. Тотъ смотритъ на все это, какъ на гимнастику какую-то. Шубинъ подошелъ ко мнѣ послѣ стола и сказалъ: Вотъ этотъ и нѣкто другой (онъ твоего имени произнести не можетъ)—оба практическіе люди, а посмотрите, какая разница: тамъ настоящій, живой, жизнью данный идеалъ, а здѣсь даже не чувство долга, а просто служебная честность и дѣльность безъ содержанія.—Шубинъ уменъ; и я, для тебя, запомнила его умныя слова; а по моему, что же общаго между вами? Ты *вѣришь*, а тотъ нѣтъ, потому что только въ самого себя *вѣрить* нельзя".

Елена сразу поняла Курнатовскаго и отозвалась о немъ не совсѣмъ благосклонно. А между тѣмъ вникните въ этотъ характеръ и припомните своихъ знакомыхъ дѣловыхъ людей, съ честью подвизающихся для пользы общей; навѣрное многіе изъ нихъ окажутся хуже Курнатовскаго, а найдутся ли лучше—за это поручиться трудно. А все отчего? Именно оттого, что жизнь, среда не дѣлаетъ насъ ни умными, ни честными, ни дѣятельными. И умъ, и честность, и силы къ дѣятельности мы должны пріобрѣтать изъ иностранныхъ книжекъ, которыя притомъ нужно еще согласить и соразмѣрить со Сводомъ Законовъ. Не мудрено, что

за этой трудной работой холодѣетъ сердце, замираетъ все живое въ человѣкѣ, и онъ превращается въ автомата, мѣрно и неизмѣнно совершающаго то, что ему слѣдуетъ. И все-таки, опять повторишь: это еще лучшіе. Тамъ, за ними, начинается другой слой: съ одной стороны совсѣмъ сонные Обломовы, уже окончательно потерявшіе даже обаяніе краснорѣчія, которымъ плѣняли барышень въ былое время, съ другой дѣятельные Чичиковы, неусыпные, неустанные, героическіе въ достиженіи своихъ узенькихъ и гаденькихъ интересцевъ. А еще дальше возвышаются Брусковы, Большовы, Кабановы, Уланбековы, и все это злое племя предъявляетъ свои права на жизнь и волю русскаго люда... Откуда тутъ взяться героизму, а если и народится герой, такъ гдѣ набраться ему свѣта и разума для того, чтобы не пропасть его силѣ даромъ, а послужить добру да правдѣ? И если наберется, наконецъ, то гдѣ ужъ геройствовать надломленному и надорванному, гдѣ ужъ грызть орѣхи беззубой бѣлкѣ? Лучше же и не обольщаться понапрасну, лучше выбрать себѣ какую нибудь спеціальность да и зарыться въ ней, заглушая недостойное чувство невольной зависти къ людямъ, живущимъ и знающимъ, зачѣмъ они живутъ.

Такъ и поступили въ „Наканунѣ“ Шубинъ и Берсеневъ. Шубинъ расходился было, узнавши о свадьбѣ Елены съ Инсаровымъ, и началъ: „Инсаровъ... Инсаровъ... Къ чему ложное смиреніе? Ну, положимъ, онъ молодецъ, онъ постоитъ за себя; да будто ужъ мы такая со-

вершенная дрянь? Ну, хоть я, развѣ дрянь? Развѣ Богъ меня такъ-таки всѣмъ и обидѣлъ"? и пр... И тотчасъ же свернулъ, бѣднякъ, на художество: можетъ, говоритъ, и я современемъ прославлюсь своими произведеніями... И точно—онъ сталъ работать надъ своимъ талантомъ, и изъ него замѣчательный ваятель выходитъ. И Берсеневъ, добрый, самоотверженный Берсеневъ, такъ искренно и радушно ходившій за больнымъ Инсаровымъ, такъ великодушно служившій посредникомъ между нимъ, своимъ соперникомъ, и Еленой, и Берсеневъ, это золотое сердце, какъ выразился Инсаровъ,—не можетъ удержаться отъ ядовитыхъ размышленій, убѣдившись окончательно во взаимной любви Инсарова и Елены. „Пусть ихъ!—говоритъ онъ:—Не даромъ мнѣ говаривалъ отецъ: мы съ тобой, братъ, не сибариты, не аристократы, не баловни судьбы и природы, мы даже не мученики, мы — труженики, труженики и труженики. Надѣвай же свой кожаный фартукъ, труженикъ, да становись за свой рабочій станокъ, въ своей темной мастерской! А солнце пусть другимъ сіяетъ! И въ вашей глухой жизни есть своя гордость и свое счастье!" Какимъ адомъ зависти и отчаянія вѣютъ эти несправедливые попреки,—неизвѣстно кому и за что!. Кто жъ виноватъ во всемъ, что случилось? Не самъ ли Берсеневъ? Нѣтъ, русская жизнь виновата: „кабы были у насъ путные люди, по выраженію Шубина, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, какъ рыба въ воду". А людей путныхъ

или непутныхъ дѣлаетъ жизнь, общій строй ея въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Строй нашей жизни оказался таковъ, что Берсеневу только и осталось одно средство спасенія: „изсушать умъ наукою безплодной“. Онъ такъ и сдѣлалъ, и ученые очень хвалили, по словамъ автора, его сочиненія: „О нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній“ и „О значеніи городского начала въ вопросѣ цивилизаціи“. И еще благо, что хоть въ этомъ могъ найти спасеніе...

Вотъ Еленѣ—такъ не оставалось никакого рессурса въ Россіи послѣ того, какъ она встрѣтилась съ Инсаровымъ и поняла иную жизнь. Оттого-то она не могла ни остаться въ Россіи, ни возратиться въ нее одна, послѣ смерти мужа. Авторъ очень хорошо умѣлъ понять это и предпочелъ лучше оставить ея судьбу въ неизвѣстности, нежели возвратить ее подъ родительскій кровъ и заставить доживать свои дни въ родной Москвѣ, въ тоскѣ одиночества и бездѣйствія. Призывъ родной матери, дошедшій до нея почти въ ту самую минуту, какъ она лишилась мужа, не смягчилъ ея отвращенія отъ этой пошлой безцвѣтной, бездѣйственной жизни. Вернуться въ Россію! Зачѣмъ? Что дѣлать въ Россіи?—написала она матери и отправилась въ Зару, чтобы потеряться въ волнахъ возстанія.

И какъ хорошо, что она приняла эту рѣшимость! Что, въ самомъ дѣлѣ, ожидало ее въ Россіи? Гдѣ для нея тамъ цѣль жизни, гдѣ

жизнь? Возвратиться опять къ несчастнымъ котятамъ и мухамъ, подавать нищимъ деньги, не ею выработанныя и Богъ знаетъ какъ и почему ей доставшіяся, радоваться успѣхамъ въ художествѣ Шубина, трактовать о Шеллингѣ съ Берсеневымъ, читать матери „Московскія Вѣдомости“, да видѣть, какъ на общественной аренѣ подвизаются *правила* въ видѣ разныхъ Курнатовскихъ, — и нигдѣ не видѣть настоящаго дѣла, даже не слышать вѣянія новой жизни... и понемногу, медленно и томительно вянуть, хирѣть, замирать... Нѣтъ, ужъ если разъ она попробовала другой жизни, дохнула другимъ воздухомъ, то легче ей броситься въ какую угодно опасность, нежели осудить себя на эту тяжелую пытку, на эту медленную казнь... И мы рады, что она избѣгла нашей жизни и не оправдала на себѣ эти безнадежно-печальныя, раздирающія душу предвѣщанія поэта, такъ постоянно и безпощадно оправдывающіяся надъ самыми лучшими, избранными натурами въ Россіи:

Вдали отъ солнца и природы,
Вдали отъ свѣта и искусства,
Вдали отъ жизни и любви
Мелькнутъ твои младые годы,
Живыя помертвѣютъ чувства,
Мечты разсѣются твои.
И жизнь твоя пройдетъ незрима,
Въ краю безлюдномъ, безымянномъ,
На незамѣченной землѣ,—
Какъ исчезаетъ облакъ дыма
На небѣ тускломъ и туманномъ,
Въ осенней безпредѣльной мглѣ...

Намъ остается свести отдѣльныя черты, разбросанныя въ этой статьѣ (за неполноту которой просимъ извиненія у читателей), и сдѣлать общее заключеніе.

Инсаровъ, какъ человѣкъ, сознательно и всецѣло проникнутый великой идеей освобожденія родины и готовый принять въ ней дѣятельную роль, не могъ развиться и проявить себя въ современномъ русскомъ обществѣ. Даже Елена, такъ полно умѣвшая полюбить его и такъ слиться съ его идеями, и она не можетъ оставаться среди русскаго общества, хотя тамъ,—всѣ ея близкіе и родные. Итакъ, великимъ идеямъ, великимъ сочувствіямъ нѣтъ еще мѣста среди насъ?.. Все героическое, дѣятельное должно бѣжать отъ насъ, если не хочетъ умереть отъ бездѣйствія или погибнуть напрасно? Не такъ ли? Не таковъ ли смыслъ повѣсти, разобранной нами?

Мы думаемъ, что нѣтъ. Правда для широкой дѣятельности нѣтъ у насъ открытаго поприща; правда, наша жизнь проходитъ въ мелочахъ, въ плутняхъ, интрижкахъ, сплетняхъ и подличаньи; правда, наши гражданскіе дѣятели лишены сердца и часто крѣпколобы, наши умники палецъ объ палецъ не ударятъ, чтобы доставить торжество своимъ убѣжденіямъ, наши либералы и реформаторы отправляются въ своихъ проектахъ отъ юридическихъ тонкостей, а не отъ стона и вопля несчастныхъ братьевъ. Все это такъ. Но мы всетаки думаемъ, что *теперь* въ нашемъ обществѣ есть уже мѣсто великимъ идеямъ и сочув-

ствіямъ, и что недалеко время, когда этимъ идеямъ можно будетъ проявиться на дѣлѣ.

Дѣло въ томъ, что какъ бы ни была плоха наша жизнь, но въ ней уже оказалась возможность такихъ явленій, какъ Елена. И мало того, что такіе характеры стали возможны въ жизни, они уже охвачены художническимъ сознаніемъ, внесены въ литературу, возведены въ типъ. Елена—лицо идеальное, но черты ея намъ знакомы, мы ее понимаемъ, сочувствуемъ ей. Что это значитъ? То, что основа ея характера—любовь къ страждущимъ и притѣсненнымъ, желаніе дѣятельнаго добра, томительное исканіе того, кто бы показалъ, какъ дѣлать добро,—все это, наконецъ, чувствуется въ лучшей части нашего общества. И чувство это такъ сильно и такъ близко къ осуществленію, что оно уже не обольщается, какъ прежде, ни блестящимъ, но безплоднымъ умомъ и талантомъ, ни добросовѣстной, но отвлеченной ученостью, ни служебными добродѣтелями, ни даже добрымъ, великодушнымъ, но пассивноразвитымъ сердцемъ, Для удовлетворенія нашего чувства, нашей жажды нужно болѣе: нуженъ человѣкъ, какъ Инсаровъ, — но русскій Инсаровъ.

На что жъ онъ намъ? Мы сами говорили выше, что намъ не нужно героевъ освободителей, что мы народъ владѣтельный, а не порабощенный...

Да, извнѣ мы ограждены, да еслибъ и случилась внѣшняя борьба, то мы можемъ быть спокойны. У насъ для военныхъ подви-

говъ всегда было довольно героевъ, и въ восторгахъ, какіе донынѣ испытываютъ барышни отъ офицерской формы и усиковъ, можно видѣть неоспоримое доказательство того, что общество наше умѣетъ цѣнить этихъ героевъ. Но развѣ мало у насъ враговъ внутреннихъ? Развѣ не нужна борьба съ ними и развѣ не требуется геройство для этой борьбы? А гдѣ у насъ люди, способные къ дѣлу? Гдѣ люди цѣльные, съ дѣтства охваченные одной идеей, сжившіеся съ ней такъ, что имъ нужно—или доставить торжество этой идеѣ, или умереть? Нѣтъ такихъ людей, потому что наша общественная среда до сихъ поръ не благопріятствовала ихъ развитію. И вотъ отъ нея-то, отъ этой среды, отъ ея пошлости и мелочности и должны освободить насъ новые люди, которыхъ появленія такъ нетерпѣливо и страстно ждетъ все лучшее, все свѣжее въ нашемъ обществѣ.

Трудно еще явиться такому герою; условія для его развитія и особенно для перваго проявленія его дѣятельности—крайне неблагопріятны, а задача гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ у Инсарова. Врагъ внѣшній, притѣснитель привилегированный гораздо легче можетъ быть застигнутъ и побѣжденъ, нежели врагъ внутренній, разсѣянный повсюду въ тысячѣ разныхъ видовъ, неуловимый, неуязвимый, а между тѣмъ тревожащій васъ всюду, отравляющій всю жизнь вашу и не дающій вамъ ни отдохнуть, ни осмотрѣться въ борьбѣ. Съ этимъ внутреннимъ врагомъ ничего не

сдѣлаешь обыкновеннымъ оружіемъ; отъ него можно избавиться, только перемѣнивши сырую и туманную атмосферу нашей жизни, въ которой онъ зародился, выросъ и усилился, и обвѣявши себя такимъ воздухомъ, которымъ онъ дышать не можетъ.

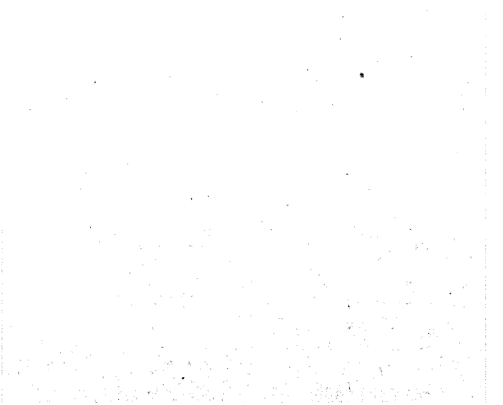
Возможно ли это? Когда это возможно? Изъ этихъ вопросовъ можно отвѣчать категорически только на первый. Да, это возможно, и вотъ почему. Мы говорили выше о томъ, какъ наша общественная среда подавляетъ развитіе личностей, подобныхъ Инсарову. Но теперь мы можемъ сдѣлать дополненіе къ своимъ словамъ: среда эта дошла теперь до того, что сама же и поможетъ явленію такого человѣка. Вѣчная пошлость, мелочность и апатія не могутъ же быть законнымъ удѣломъ человѣка, и люди, составляющіе общественную среду нашу и закованные въ ея условія, давно уже поняли всю тяжесть и нелѣпость этихъ условій. Одни скучаютъ, другіе рвутся всѣми силами—куда нибудь, только бы избавиться отъ этого гнета. Разные исходы придумывались, разныя средства употреблялись, чтобы чѣмъ нибудь оживить мертвость и гнилость нашей жизни; но все это было слабо и недѣйствительно. Наконецъ, теперь появляются уже такія понятія и требованія, какія мы видимъ въ Еленѣ; требованія эти принимаются обществомъ съ сочувствіемъ; мало того—они стремятся къ дѣятельному осуществленію. Это значитъ, что ужъ старая общественная рутина отживаетъ свой вѣкъ; еще нѣсколько колеба-

ній, еще нѣсколько сильныхъ словъ и благопріятныхъ фактовъ, и явятся дѣятели!

Выше мы замѣтили, что рѣшимость и энергію сильной натуры убиваетъ у насъ еще въ самомъ началѣ то идиллическое восхищеніе всѣмъ на свѣтѣ, то расположеніе къ лѣнивому самодовольству и сонному покою, которое встрѣчаетъ каждый изъ насъ, еще ребенкомъ, во всемъ окружающемъ, и къ которому его тоже стараются пріучить всевозможными совѣтами и наставленіями. Но въ послѣднее время и это условіе сильно измѣнилось. Вездѣ и во всемъ замѣтно самосознаніе, вездѣ понята несостоятельность стараго порядка вещей, вездѣ ждутъ реформъ и исправленій, и никто уже не убаюкиваетъ своихъ дѣтей пѣснею о томъ, какое непостижимое совершенство представляетъ современный порядокъ дѣлъ въ Россіи. Напротивъ, теперь каждый ждетъ, каждый надѣется, и дѣти теперь подрастаютъ, напитываясь надеждами и мечтами лучшаго будущаго, а не привязываясь насильно къ трупу отжившаго прошедшаго. Когда придетъ ихъ чередъ приняться за дѣло, они уже внесутъ въ него ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе.

Тогда и въ литературѣ явится полный, рѣзко и живо очерченный образъ русскаго Инсарова. И не долго намъ ждать его: за это ручается то лихорадочное, мучительное нетерпѣніе, съ которымъ мы ожидаемъ его появленія въ жизни. Онъ необходимъ для насъ, безъ него вся

наша жизнь идетъ какъ-то не въ зачетъ, и каждый день ничего не значитъ самъ по себѣ, а служитъ только канономъ другого дня. Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! И во всякомъ случаѣ канунъ недалекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ!..



Книгоиздательство и Книжный Складъ

„Освобожденіе".

С.-Петербургъ, Невскій пр., 92. Телефонъ 48-48.

№ 27. **И. Телешовъ.** 1) Между двухъ береговъ. 2) Черною ночью.
№ 28. **А. Серафимовичъ.** Живая тюрьма.
№ 29. **А. И. Купринъ.** Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ.
№ 30. **М. Арцыбашевъ.** Паша Тумановъ.
№ 31. **А. Каменскій.** Ничего не было.
№ 32. **С. Елпатьевскій.** Савелій.
№ 33. **Л. Мельшинъ.** Любимцы каторги.
№ 34. **И. Телешовъ.** Сухая бѣда.
№ 35. **Н. Олигеръ.** На аванпостахъ.
№ 36—37. **Евг. Чириковъ.** Бѣлая ворона.
№ 38. **Д. Айзманъ.** На чужбинѣ.
№ 39. **Борисъ Лазаревскій.** Умершая. Она.
№ 40. **А. Серафимовичъ.** Преступленіе.
№ 41. **Л. Мельшинъ.** Маленькіе люди.
№ 42. **Н. Гаринъ.** Дворецъ Дима.
№ 43. **Скиталецъ.** Дуэтъ. Въ лѣсу.
№ 44. **Н. Тимковскій.** Вдвоемъ.
№ 45. **М. Арцыбашевъ.** Кровь.
№ 46—47. **Евг. Чириковъ.** Царь природы.
№ 48. **А. Крандіевская.** Ничтожные.
№ 49. **А. Гринъ.** Маленькій заговоръ.
№ 50. **Мамминъ-Сибирякъ.** Дорогой хлѣбъ науки.
№ 51—52. **М. Арцыбашевъ.** Бунтъ.
№ 53. **Н. Гаринъ.** Въ усадьбѣ.
№ 54. **Н. Тимковскій.** Жалованье.
№ 55. **Анатолій Каменскій.** Бѣлая ночь.
№ 56. **С. Елпатьевскій.** Ѣдутъ.
№ 57. **Владиславъ Хохановскій.** Звѣрь.
№ 58. **А. Крандіевская.** «Какъ хороши... Какъ свѣжи были розы...»
№ 59—60. **Леонидъ Андреевъ.** Христіане. На рѣкѣ. Набатъ. Городъ. Книга.
№ 61. **А. Серафимовичъ.** Свиданіе. Онъ пришелъ...
№ 62. **Гусевъ-Оренбургскій.** Идеалистъ.

№ 72. **Ив. Бунинъ.** Астма.
№ 73. **Гусевъ-Оренбургскій.** Пастырь добрый.
№ 74—75. **А. Крандіевская** 1) У свѣжей могилы. 2) Ночь. 3) Дочь народа. 4) Для души.
№ 76. **Гусевъ-Оренбургскій.** Могила. Недоумѣніе.
№ 77—78. **Анатолій Каменскій.** На дачѣ.
№ 79. **Л. Н. Толстой.** Плоды просвѣщенія. Комедія.
№ 80. **Л. Н. Толстой.** Власть тьмы. Пьеса.
№ 81. **Мамминъ-Сибирякъ.** На «шестомъ номерѣ».
№ 82—83. **А. И. Купринъ.** Суламиѳь.
№ 84. **Н. Олигеръ.** Диктаторъ. Рабочій.
№ 85. **аминъ-Сибирякъ.** Малиновыя горы.
№ 86. **Н. Гарнинъ.** Варіантъ.
№ 87—88. **Борисъ Лазаревскій.** Болѣзнь. Тайна.
№ 89. **А. И. Купринъ.** Какъ я былъ актеромъ.
№ 90. **Л. Н. Толстой.** Живой трупъ. Драма.
№ 91. **Анатолій Каменскій.** Игра. Мебель.
№ 92. **Н. А. Добролюбовъ.** Что такое обломовщина.
№ 93—94. » Темное царство.
№ 95. » Когда же придетъ настоящій день.
№ 96—97. » Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.
№ 98. **Л. Н. Толстой.** Хозяинъ и Работникъ. Смерть Ивана Ильича.
№ 99. **А. Каменскій.** Женщина.
№ 100. **А. И. Купринъ.** Изумрудъ.
№ 101. **Л. Н. Толстой.** Крейцерова соната.
№ 102. **А. Каменскій.** Дипломъ.
№ 103. **Н. Гарнинъ.** Когда-то.

Цѣна каждаго номера 10 коп.

Книгоизд. «ОСВОБОЖДЕНІЕ».
С.-Петербургъ, Невскій, 92. || Москва, Б. Никитская, 22.

№ 72. **Ив. Бунинъ.** Астма.
№ 73. **Гусевъ-Оренбургскій.** Пастырь добрый.
№ 74—75. **А. Крандіевская** 1) У свѣжей могилы. 2) Ночь. 3) Дочь народа. 4) Для души.
№ 76. **Гусевъ-Оренбургскій.** Могила. Недоумѣніе.
№ 77—78. **Анатолій Каменскій.** На дачѣ.
№ 79. **Л. Н. Толстой.** Плоды просвѣщенія. Комедія.
№ 80. **Л. Н. Толстой.** Власть тьмы. Пьеса.
№ 81. **Мамминъ-Сибирякъ.** На «шестомъ номерѣ».
№ 82—83. **А. И. Купринъ.** Суламиѳь.
№ 84. **Н. Олигеръ.** Диктаторъ. Рабочій.
№ 85. **аминъ-Сибирякъ.** Малиновыя горы.
№ 86. **Н. Гарнинъ.** Варіантъ.
№ 87—88. **Борисъ Лазаревскій.** Болѣзнь. Тайна.
№ 89. **А. И. Купринъ.** Какъ я былъ актеромъ.
№ 90. **Л. Н. Толстой.** Живой трупъ. Драма.
№ 91. **Анатолій Каменскій.** Игра. Мебель.
№ 92. **Н. А. Добролюбовъ.** Что такое обломовщина.
№ 93—94. » Темное царство.
№ 95. » Когда же придетъ настоящій день.
№ 96—97. » Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.
№ 98. **Л. Н. Толстой.** Хозяинъ и Работникъ. Смерть Ивана Ильича.
№ 99. **А. Каменскій.** Женщина.
№ 100. **А. И. Купринъ.** Изумрудъ.
№ 101. **Л. Н. Толстой.** Крейцерова соната.
№ 102. **А. Каменскій.** Дипломъ.
№ 103. **Н. Гарнинъ.** Когда-то.

Цѣна каждаго номера 10 коп.

Книгоизд. «ОСВОБОЖДЕНІЕ».
С.-Петербургъ, Невскій, 92. || Москва, Б. Никитская, 22.